

Михаил СЕРЕГИН

РУССКИЙ

ВОР

ЭКСМО

Русский вор

Михаил Серегин

Русский вор

«Научная книга»

2001

Серегин М. Г.

Русский вор / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2001 — (Русский вор)

Он – смертник. Таков приговор медицины. Жить ему осталось – всего ничего. Но все же достаточно, чтобы поквитаться кое с кем. Он найдет тех, кто изломал его судьбу, безвинно засадив в тюрьму, кто отнял у него здоровье, надругался над его любовью и надеждами на достойную жизнь. Он – русский вор – найдет их. И совершит возмездие. Ему теперь ничто не страшно. Он наведет шороху не на одну губернию. И... выживет.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Серегин

Русский вор

Пролог

– Проходите, гражданин Полуниин. Присаживайтесь, – произнес следователь Гришаев и, сделав широкий жест рукой, указал на стул.

Черноволокый паренек, стоявший в дверях тесного кабинета с заложенными за спину руками, сел.

На вид молодому человеку было лет двадцать с небольшим. Он был среднего роста. Его крепко сбитый торс плотно облежала белая рубашка с коротким рукавом. Кроме нее, на парне были надеты джинсы черного цвета и кроссовки.

Несмотря на свою молодость и спортивную фигуру, парень выглядел как-то по-стариковски усталым и подавленным.

Его темные волосы торчали, как у человека, только что вставшего с постели. Лицо было бледное. Взгляд больших черных глаз настороженно-внимательный.

– Закуривайте, Владимир Иванович. – Гришаев положил на стол перед арестантом пачку болгарских сигарет «БТ» и зажигалку.

Полуниин закурил. Пока арестант прикуривал, Гришаев внимательно следил за ним.

«Скоро месяц, как под стражей сидит. Сдал паренек, сдал, – подумал Гришаев, – тяжело ему, первый раз все же в тюрьму попал».

– Как вам спалось, Володя? – спросил Гришаев у Полуниина.

Тот оторвал взгляд от зажатой в руке сигареты и несколько удивленно посмотрел на Гришаева. Сегодня следователь был мягок и предупредителен, в отличие от прошлых допросов. Полуниин не мог понять, что за этим скрывается.

– Спасибо, неплохо, – произнес он. – Хотя в домашних условиях мне спится крепче.

– Шутник, – усмехнулся Гришаев. Он раскрыл папку с надписью «Дело» и, бросив на нее мимолетный взгляд, тяжело вздохнул и произнес: – Ну что, Полуниин Владимир Иванович, по-прежнему будем в несознанку играть? Или все же наконец пойдешь навстречу следствию и расскажешь все чистосердечно о том, как вы по ночам нелегально литературу печатали.

Понуриив голову, Полуниин глубоко затынулся и, выпустив клубы дыма, спокойно ответил:

– Я вам, гражданин следователь, уже все сказал. Никакую литературу я не печатал. Я ее лишь развозил. И на этот счет есть все соответствующие документы: накладные, приходные ордера.

– Есть, есть, – согласно кивнул Гришаев, – только вот «липовые» они все, и ни по каким другим документам в издательстве «Зенит», в котором вы работали, этот тираж православной литературы не числится.

Полуниин лишь пожал плечами в ответ.

– Это не мое дело, – заявил он. – Я человек маленький. В издательстве вообще временно, подрабатываю по вечерам.

Гришаев откинулся на спинку стула и, вздохнув, подумал:

«Упрямый ты парень. Крепкий орешек. Только вот не знаю, пойдет ли тебе на пользу твое упрямство. Оценят ли это те, ради которых ты так стараешься. Не знаю, не уверен...»

Гришаев поднялся со своего стула и, протиснувшись к окну, сел на подоконник.

Холодный сентябрьский ветер набросился на росшую под окном прокуратуры березу, словно намереваясь сорвать с нее разом все пожелтевшие листья. От такого внезапного напора береза резко накренилась к земле.

Сегодня был первый холодный сентябрьский день. За окном спешившие по своим делам прохожие с утра надели на себя пиджаки и кофты, спасаясь от неожиданно нагрянувшего похолодания.

– Ну вот и осень наступила, – произнес Гришаев. – Синоптики обещали дожди уже на этой неделе... Не люблю осень: дожди, лужи. Лишний раз на улицу не выйдешь. И вечно мокрые ноги. Я, Володя, как и ты, рос в бедной семье, поэтому обувь приходилось донашивать за старшим братом. А она после него была довольно потрепана. Брат, кстати, мой приблизительно в твоём же возрасте на краже попался. Посадили его. Где он теперь – один бог знает. Года два, как освободился последний раз, о нём ни слуху ни духу.

Гришаев помолчал, протянул руку за сигаретой, лежащей на столе, и, прикурив, продолжил:

– Знаешь, бывает, в медики люди идут из-за того, что в семье больные родственники есть. А я вот в юридический решил пойти после того, как у меня брата посадили. Сам не знаю почему. Может, потому, что думал помочь ему таким образом. А может, хотел оправдаться перед людьми тем, что в семье у нас не только уголовники, но и прокуроры есть.

Говоря, Гришаев не смотрел в сторону Полунина, а задумчиво уставился в окно. Владимир же был удивлен и даже смущен подобным началом сегодняшнего допроса.

Он никак не мог понять, что это – очередной фортель следователя прокуратуры, пытающегося расколоть его на признание заходом с другой стороны. Ведь до сегодняшнего дня Гришаев придерживался куда более жесткой манеры ведения допроса.

«А может, все-таки что-то случилось», – подумал Полунин, гася окурков в пепельнице на столе.

Он не ошибся. Случилось следующее: вчера Гришаева вызвал к себе заместитель прокурора города и в приватной беседе сообщил, что ему позвонили из обкома партии. Зампрокурора не назвал фамилию звонившего, но весьма прозрачно дал понять Гришаеву, что «издательское дело», которое было в его ведении, похоже, придется «спустить на тормозах»... Но не совсем, виновные по этому делу все же должны были быть наказаны. Слишком уж большой резонанс произвела в городе информация о «подпольных печатниках».

Гришаев уже пятнадцать лет проработал в прокуратуре, и за это время в его практике не раз бывали эпизоды, когда звонки из здания на улице Советской, где располагался областной комитет партии, решали судьбы многих уголовных дел. Немало людей было наказано жестче, чем они заслуживали, были случаи, когда дела намеренно разваливались, а наказанию подвергалась мелкая сошка, «стрелочники», «козлы отпущения».

«Похоже, и в этот раз дело закончится именно таким образом, – подумал Гришаев. – Черт, – выругался он про себя, – как все надоело... Только и триндят целыми днями о торжестве законности и демократии. За пятнадцать лет я так и не понял, кому служу: Фемиде или системе, которая пользуется законами только тогда, когда ей это выгодно».

В очередной раз Гришаеву пришла мысль о том, не послать ли все к черту и не уйти ли в адвокатуру. С угрюмым видом он отвернулся от окна и вернулся за свой стол. В этот момент ему на глаза попался свежий выпуск газеты «Известия» с очередной пространной речью генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева.

«Вообще-то, – подумал Гришаев, – этот Горбачев раз от раза все смелее в своих высказываниях. Может быть, действительно задули серьезные ветры перемен и многое теперь изменится... А может, это действительно мой шанс? – с неожиданным воодушевлением подумал Гришаев. – Помочь пацану, которого собираются сделать „козлом отпущения“ во всей этой истории, запустить дело так, как надо, и посадить тех, которые действительно виноваты. Ведь дураку ясно, что этот Полунин не главный фигурант в деле „печатников“. Он, конечно, знал,

наверняка знал, что дело нечистое, но, по большому счету, этому парню год условно вклеить, и хватит с него. Он и так на всю жизнь перепуганный».

Гришаев посмотрел на сидящего перед ним Полунина и произнес:

– Вот что, Вова, хочешь верь, хочешь не верь, многого я тебе сказать не могу. Но если бы ты сегодня рассказал мне всю правду, думаю, что я смог бы тебе помочь. В худшем случае получишь два года условно, а то и годом обойдешься. Пусть сидят те, кто это по-настоящему заслужил. Я ведь знаю, что в этой истории ты «пристяжной», хотя и не верю в то, что ты уж совсем ничего не знал. Но если ты отпираться не станешь и чистосердечное признание дашь, все будет так, как я тебе сказал. В противном случае тебя ждут серьезные испытания.

Полунин слушал Гришаева, ссутулившись, склонив голову к коленям. Наконец, когда следователь закончил, Владимир поднял голову и, усмехнувшись, проговорил:

– Спасибо вам на добром слове, но мне добавить к тому, что я сказал, нечего.

Следователь несколько секунд молчал, глядя в глаза арестанта, затем тяжело вздохнул:

– Упрямый ты. И упрямство твое на этот раз сыграет против тебя. Дай бог, если я ошибусь.

От раздумий его оторвал звонивший телефон. Он поднял трубку:

– Да... Понял, пусть заходит.

Через несколько секунд в дверь постучали, и в кабинет вошел высокий мужчина средних лет, рыжеволосый, с заметно проступающей лысиной. У него было худое, с впалыми щеками лицо, крупный, чуть с горбинкой нос, большие серые глаза. Мужчина выглядел солидно и чуть надменно.

Но, едва зайдя в кабинет следователя, он приветливо и с почтением поздоровался с ним, доброжелательно кивнув головой Полунину, который при виде вошедшего заметно оживился, словно ожидал от него хороших вестей для себя.

– Здравствуйте, гражданин Слатковский. Садитесь, – поздоровался с вошедшим Гришаев, указав тому на единственный свободный стул в своем кабинете.

– В вашем кабинете, Алексей Геннадиевич, – широко улыбнулся Слатковский, – такое предложение звучит немного зловеще. Так что, с вашего разрешения, я лучше не сяду, а присяду.

– Да ладно вам, Александр Григорьевич, к словам придирайтесь, – отмахнулся Гришаев. – Сажаем не мы, прокуроры, а судьи.

– Но при вашем активном участии, – поднял палец улыбающийся Слатковский.

– Или неучастии, – добавил Гришаев, хмуро поглядев в дело, лежащее перед ним.

Он закрыл папку и, убрав ее в сейф, встал.

– Прошу меня извинить, граждане, я на секунду удалюсь.

Он вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. После этого Слатковский подвинул стул ближе к Полунину, положил свою широкую ладонь ему на плечо и спросил, заглянув в глаза Полунина:

– Ну как ты, Володя, держишься?

– Спасибо, Александр Григорьевич, держусь. Тяжело, конечно, но жить можно. Вас, я смотрю, отпустили уже.

– Да меня и не арестовывали, – ответил Слатковский. – Так, пару дней подержали, потом выпустили. Я задействовал кое-какие свои связи. И они меня отпустили, еще и извинились. Так что не бойсь, Вова, я еще кое-что могу. Все будет нормально. Я сейчас все делаю, чтобы и тебя отмазать. Поэтому не дергайся и слушай меня.

– Да я не дергаюсь, – махнул рукой Полунин. – Просто следователь сегодня сказал мне, что если я чистосердечно ему напишу, то он гарантирует мне всего лишь год условно.

Лицо Слатковского ожесточилось при этих словах.

– Не слушай никого и делай то, что я тебе говорю. – Слатковский впился взглядом в лицо Полунина. – И «следак» будет делать то, что ему скажут, это я тебе гарантирую. Ты думаешь, он просто так поссать в сортир пошел? Ему начальство велело дать нам с тобой поговорить. Поэтому, чтобы выбраться отсюда, тебе надо меня слушаться...

Слатковский сделал паузу и, слегка смягчившись, добавил:

– Ты же знаешь, я тебе плохого не пожелаю. Ты же мне как сын. Я тебя с самого детства знаю. Я знаю также о ваших отношениях с моей дочерью Ритой.

– Как она? – спросил, оживившись, Владимир.

– А как по-твоему? – вопросом на вопрос ответил Слатковский. – Переживает, конечно, за тебя, за меня. Поэтому ты должен делать все, что я тебе скажу. Я проконсультировался со знающими людьми. Есть только один способ с минимальными потерями вылезти из этого дела.

– Какой? – спросил Полунин, внимательно глядя на Слатковского. – Что я должен делать?

Слатковский сжал плечо Владимира и произнес:

– Вот что, Вова... Тебе надо взять все на себя.

– Как это на себя? – удивленно захлопал глазами Полунин. – Я ведь даже не знаю, как это было организовано.

– Это не важно, – ответил Слатковский. – Ты расскажешь все, что надо. С сегодняшнего дня у тебя новый адвокат. Я его специально нанял. Толковый мужик, он тебе все объяснит. Главное, ты пойми одно: если в этом деле назовут меня и Маркелова, то мы все загремим под фанфары, потому что скажут, что действовала целая группа. К тому же ты знаешь, я партийный, с меня особый спрос будет в связи с кампанией за очистку партийных рядов. Если же в деле будешь только ты и печатник Михалыч, то дело уже сразу становится мелкого масштаба. Пацан и старик решили подзаработать, напечатать пару сотен книжек для верующих. Дадут вам по году условно и отпустят с богом, погрозив пальчиком, чтобы больше никогда не шалили.

– А если не отпустят? – с тоской выдавил Полунин.

– Отпустят, отпустят, – сильнее затряс плечо Владимира Слатковский. – Я все устрою, прокурор в курсе, судья тоже будет в курсе. Всем, кому надо – заплачено. Верь мне, Вова, верь. Зачем мне тебя обманывать?

Полунин молчал. Обхватив голову руками, он медленно ворошил волосы на голове. Парень находился в сильном смятении. Владимиру предстояло сделать выбор, который серьезным образом мог изменить всю его жизнь. И хотя он верил Слатковскому, риск оказаться за решеткой на длительный срок был слишком велик.

– Да, и вот еще что, – произнес Слатковский, – Ритка велела записку тебе передать.

Александр Григорьевич вынул из кармана бумажку и протянул ее Владимиру. Полунин взял листок и, раскрыв его, пробежал глазами.

В записке было всего несколько слов. Маргарита писала, что очень беспокоится за него, с нетерпением ждет, когда его выпустят. Была там и такая фраза: «Папа не оставит тебя в беде».

Владимир медленно сложил записку и посмотрел на Александра Григорьевича.

– Я оставлю ее себе.

– Да, разумеется, это же тебе письмо, – произнес Слатковский.

Полунин спрятал записку в кармане джинсов и произнес:

– Хорошо, я согласен. Что я должен говорить?

– Тебе все скажет адвокат, без него ты больше со следователем беседовать не будешь, – категорично заявил Слатковский.

Сразу после этих его слов в кабинет вошел Гришаев. Едва усевшись за стол, он выжидательно посмотрел сначала на Слатковского, потом на Полунина. Последний, взяв из пачки сигарету, прикурил и произнес:

– Гражданин следователь, я хочу сделать заявление. – Он помедлил несколько секунд и добавил: – Я полностью признаю свою вину в деле по незаконному печатанию книжной продукции.

Гришаев молча слушал Владимира.

«Похоже, парень дал себя уговорить», – подумал он.

– Ну что ж, – произнес он вслух, – если вы так решили, вот вам бумага и авторучка.

Пишите все, что считаете нужным.

– Я должен посоветоваться со своим адвокатом, – произнес Полунин.

– Он сейчас подойдет, – ответил следователь.

– Нет, – произнес Владимир, – с сегодняшнего дня у меня новый адвокат.

Гришаев взглянул на Слатковского.

– Ладно, давайте перенесем нашу с вами встречу на завтра. Вы, Слатковский, можете быть свободны, а вам, Владимир Иванович, придется вернуться в следственный изолятор.

Когда Гришаев через несколько минут остался один в кабинете, он снова встал из-за стола и подошел к окну, проводил взглядом садящегося в «воронок» Полунина. Когда машина отъехала от здания прокуратуры, Гришаев вновь посмотрел на гнущуюся под ветром березу.

«Ну и черт с ним, – подумал он. – В конце концов парень сам сделал свой выбор. Одним уркой станет больше. Мне в это дело лезть не следует, только отношения с начальством испорчу. Как там в стране дела пойдут, еще не известно, а отношения с начальством при любом раскладе надо иметь нормальные. Мне и так уже рост по службе задерживают. Когда еще обещали должность заместителя прокурора, а я все в старших следователях».

Гришаев сел за свой стол и, решительно закрыв папку, лежащую перед ним, убрал ее в сейф.

– Все! С этим делом заканчивать надо.

... Через две недели дело «печатников» было передано в суд. Фигурантами выступали Владимир Полунин в качестве организатора и пожилой печатник Михаил Житков – исполнитель.

Приговор суда удивил даже Гришаева. За организацию преступной группы Полунин получил пять лет лишения свободы с конфискацией имущества. К Житкову суд был более мягок. Он получил два года условно.

Глава первая

Было около семи вечера, когда во двор элитного девятиэтажного дома, расположенного в одном из центральных районов города, въехал серый «уазик» с надписью на борту «Геологическая экспедиция». «Уазик» остановился на небольшой стоянке рядом со вторым подъездом девятиэтажки.

Как только мотор «уазика» заглох, из кабины выскочил пожилой мужчина лет пятидесяти, одетый в рабочую спецовку и старенькую кожаную куртку. На голове у мужчины была вязаная шапочка черного цвета, из-под которой выбивались седые волосы. Во рту он держал полуистлевшую папиросу «Беломор».

Мужчина был высокого роста, крупного телосложения. Внешне он напоминал штангиста-тяжеловеса. У него было большое лицо красноватого цвета, мясистый нос, маленькие зеленые глаза смотрели с прищуром, в них угадывалась мужицкая хитринка.

Толстяк, выплюнув в клумбу окурок, вошел в подъезд и вызвал лифт. Поднявшись на последний этаж, он не стал звонить ни в какую из квартир, а подошел к решетчатой двери, ведущей на чердак девятиэтажки.

Мужчина запустил свою огромную широкую ладонь в карман куртки и, вынув оттуда связку ключей, легко открыл замок. Закрыв за собой дверь, он поднялся еще на два пролета, но не стал подниматься на крышу, а прошел в машинное отделение, где располагался мотор, приводящий в действие лифт.

Здесь мужчина надел на руки резиновые перчатки и, подойдя к электрическому щиту, открыл его. Несколько секунд он внимательно изучал схему электропривода.

Дождавшись, когда лифт заработал, вынул из кармана отвертку и, с ее помощью переключив контакты, отключил питание лифта. Мотор тут же перестал работать.

«Электрик» в следующую секунду убрал отвертку, запустив двигатель в работу. Он спрятал в карман отвертку и достал оттуда сотовый телефон.

Набрав номер, он произнес:

– Алло, это я, Шакирыч, у меня все путем. Сижу, жду команды.

* * *

– Я тебя понял, – ответил Полуниин и, отключив связь, положил трубку телефона рядом с собой на сиденье.

Владимир взглянул на Славку Болдина.

– Шакирыч готов к приему клиента. Остается только его дожидаться.

– Черт, ожидание хуже всего, – в сердцах произнес Славка, развалившийся в салоне «уазика».

Полуниин сидел напротив него и, отодвинув занавеску, наблюдал за подъездом девятиэтажного дома, недалеко от которого и припарковался «уазик». Услышав слова Славки, он отвернулся от окна и с улыбкой посмотрел на ерзающего в кресле своего молодого напарника.

– Это ты верно подметил, Вячеслав, ожидание – дело нудное. Впрочем, как и догонять. Однако в нашем с тобой деле, Слава, ожидание – это сорок процентов успеха. Пятьдесят зависят от мастерства. А остальное все приходится на удачу, без нее тоже куда не сунешься.

– Терпеливый ты, Иваныч, – произнес Вячеслав. – Честно говоря, я бы давно у этого фраера машину дербанул где-нибудь около магазина, когда он за покупками туда со своей бабой ходил. А то и у офиса. Там делов-то на два часа, а мы его уже почти месяц пасем.

– В твои годы, Слава, я, наверное, тоже предпочел бы вместо терпения положиться на удачу. Но мне уже не двадцать, а тридцать пять, и мне есть что терять.

Полунин достал из кармана куртки склянку с таблетками и, бросив себе на ладонь парочку, с маху проглотил их.

– Да и не выдержать мне, пожалуй, еще одной «ходки». Вот поэтому, Славка, мы все будем делать аккуратно, каждую мелочь стараясь продумать, каждое движение спрогнозировать.

– А на хрена ты вообще этим занимаешься, Иваныч? – спросил Славка, взъерошив пятерней свой коротко стриженный затылок.

– Я же тебе говорил, один серьезный человек, мой старый знакомый, попросил обеспечить его друзей парой дорогих иномарок. Машины уйдут на Кавказ и вряд ли когда-нибудь всплывут в России. Этот человек, мой знакомый, имеет большое влияние в блатном мире, и отказывать ему мне не хотелось бы. К тому же грех не дербануть такого барыгу, как наш сегодняшний клиент.

– А кто он такой?

– Барыга, – коротко пояснил Полунин. – Я за ним давно наблюдаю. Он бывший комсомольский активист. Потом на партийной работе был. А как перестройка началась, вовремя сдернул на один из местных заводиков, который вместе с директором и прихватизировал. Теперь этот завод почти зачах, зато у директора и у его зама – нашего клиента по загородному особняку выросло.

Славка смотрел, как Полунин убирает склянку с лекарством в карман. Периодически на Полунина накатывали приступы желудочной боли, порой настолько сильные, что даже обезболивающие уколы не помогали. В такие дни он не мог ничего делать, часами валяясь дома под заботливым присмотром своей жены.

К врачам, несмотря на уговоры друзей и жены, Полунин принципиально не шел. Еще в лагере у него возникло стойкое предубеждение по отношению к медицине и врачам. Появилось оно оттого, что медики на зоне были люди равнодушные и черствые.

– А с чего ты решил, что он скоро должен подъехать? – спросил Славка.

– Обычно в десять он уже дома. У него, знаешь ли, строгая жена, на которую зарегистрирована немалая часть принадлежащей ему собственности. Поэтому, как правило, в полдесятого он сваливает из этого уютного гнездышка, где живет его любовница, и спешит домой укреплять ячейку общества. В восемь они еще сидели в ресторане. Значит, к девяти он подвезет ее домой.

– А вдруг он из машины не выйдет? – задал вопрос Славка.

– Выйдет, обязательно выйдет, – заверил его Полунин, – он всегда поднимается к ней в квартиру, когда по вечерам завозит ее домой. То ли мужик любит спонтанный быстрый секс, то ли ему просто необходимо психологически разгрузиться, чтобы отправиться к своей осточертевшей мыдре. Поэтому минут десять спокойной работы тебе гарантировано. Если не успеешь, не дергайся, тогда мы с Шакирычем тебя подстрахуем, запустив резервный вариант.

– Я успею, – уверенно ответил Славка. – И не такие тачки с помощью одной отвертки заводили.

Болдин говорил правду. Он был не только хороший специалист-автомеханик, но и на спор мог завести любую машину не больше чем за пятнадцать минут, используя лишь отвертку, молоток и еще кое-какие нехитрые инструменты.

Славка еще хотел что-то спросить у Полунина, но в этот момент во двор въехал темно-зеленого цвета джип «Мицубиси Паджеро».

Иномарка, подъехав к подъезду, напротив которого стоял «уазик», припарковалась рядом с ним. Водитель и пассажиры были скрыты темными тонированными стеклами. Но поджидавшие не сомневались, что приехал их клиент и его подруга.

Это подтвердилось через несколько секунд, когда из машины вышли невысокого роста и тучного телосложения мужчина в сером костюме и зеленой рубашке и стройная светловолосая девушка лет восемнадцати, одетая в плотно обтягивающие черные леггинсы, кофточку и короткую сиреневого цвета кожаную куртку.

Подруга клиента сразу же отправилась в подъезд вызывать лифт, клиент последовал за ней через несколько секунд, прихватив с заднего сиденья пакет с продуктами и поставив машину на сигнализацию.

Когда джип громко пикнул, сверкнув фарами, мужчина в костюме, удовлетворившись этим, развернулся и вальяжно направился в подъезд.

К этому времени Полунин связался по рации с Шакирычем и скомандовал:

– Приготовься, клиент прибыл.

– Понял, – ответил Шакирыч.

После этого Полунин, убрав трубку, протянул руку к небольшому стеллажу, на котором стояли друг на друге какие-то металлические футляры. Это была специальная аппаратура, позволяющая улавливать и воспроизводить сигнал, аналогичный тому исходящему из пульта сигнализации, которым клиент «запирал» свою машину.

Сигнал, открывающий центральный замок машины и блокирующий сигнализацию, был записан сегодня днем, когда Полунин ездил на своем «уазике» за клиентом, джип которого предстояло угнать.

Взявшись за тумблер на приборе, Полунин включил его. В ту же секунду стоявший по соседству джип вновь издал приглушенный звук. Фары его на секунду засветились и погасли.

– Кажется, сработало, – произнес Полунин. – Пошли быстро.

Славка первый выскочил из «уазика» и, подойдя к джипу, открыл его дверцу и быстро залез в салон машины. Полунин же отправился к подъезду и пешком поднялся на пятый этаж, где располагалась квартира любовницы клиента.

Поднявшись на пролет вверх, Полунин остановился на лестничной площадке между пятым и шестым этажом и принялся ожидать выхода клиента, периодически выглядывая в окно. Джип пока еще стоял на месте.

В этот момент Славка, уже высверлив маленькой ручной дрелью два болта, крепящие замок зажигания к рулевой колонке автомобиля, уцепился двумя руками за рулевую колонку и что есть силы потянул ее сначала влево, а затем вправо.

Бывший борец-классик Болдин был хоть и невысокого роста, но физически очень крепкий. Оба рывка сопровождались хрустом ломающихся блокираторов рулевой колонки автомобиля.

Когда с этим было покончено, Славка оторвал замок зажигания и принялся возиться с электропроводкой, соединив провода которой он завел бы машину.

Однако желаемого результата он не добился. Несмотря на то что все было сделано правильно, машина не заводилась, хотя приборы на панели управления осветились. Время шло, и Славка стал нервничать. Он вдруг понял, что чего-то они не предусмотрели.

«Вот падла, – ругнулся про себя Болдин, – что же ты еще придумал такое, помимо обычной сигнализации?»

Неожиданно на глаза Славке попался маленький кусочек магнита, лежащий на приборной панели. Славка задумался, решение пришло само собой. Магнит в сочетании с зажегшейся подсветкой приборов на панели управления подсказали ему решение.

– Терристерная масса.

Эту систему противоугонной защиты часто ставили на свои машины местные кулибины. В этом случае в электропроводке автомобиля делался разъем, который соединялся с помощью специальной металлической вставки, как правило, это был магнитик. Как только его ставили на нужное место и электропроводка начинала работать по нормальной схеме, машина заводилась.

При отсутствии этого магнетика на положенном месте горела лишь подсветка приборной панели, подпитываемая слабым током терристерной массы.

Иногда подобная ловушка вводила в заблуждение автоугонщиков. Они, видя, что подсветка приборной панели горит, но машина не заводится, думали, что автомобиль неисправен. И не у всех хватало времени и желания лезть под капот, чтобы найти неисправность.

Болдин внимательно оглядел панель управления, пытаясь лихорадочно сообразить, где лучше всего замкнуть провода. Повинуясь интуиции, он открыл бардачок машины и тщательно ощупал его изнутри.

Через несколько секунд его догадка подтвердилась. На верхней части кожуха Болдин обнаружил выемку, которой здесь не должно было быть.

Он быстро вставил в эту выемку магнетик, после чего снова соединил провода. Джип тихо завелся, заурчав, словно сытый кот. Вячеслав включил передачу и тронул машину с места.

Именно в этот момент из дверей квартиры вышел хозяин «Паджеро» и, вызвав кабину лифта, погрузился в нее, нажав кнопку первого этажа.

Когда двери лифта закрылись, Полуниин поднес рацию к губам и произнес:

– Шакирыч, вырубай.

Услышав команду, Шакирыч, держащий в одной руке рацию, в другой – плоскогубцы, схватился ими за провода на электрическом щитке и резким движением разорвал их. Через секунду мотор лифта перестал работать и кабина застряла между четвертым и пятым этажами.

– Готово, – произнес в рацию Шакирыч.

– Вижу, – ответил Полуниин. – Быстро сматывайся оттуда.

Он глянул в окно и увидел, как джип, управляемый Славкой, проехал по двору и скрылся в арке дома, ведущей на улицу.

Полуниин начал спускаться по лестнице. Когда он был на четвертом этаже, до него донесся громкий вопль, исходивший из кабины лифта:

– Мать вашу так! Что здесь творится такое!

Полуниин остановился рядом и, придав голосу некое придыхание, словно человек, страдающий одышкой и поднявшийся пешком на несколько этажей, поинтересовался:

– Извините, вы, кажется, застряли в лифте?

В ответ до него донесся грубый вопль:

– Нет, мать твою. Я здесь сам заперся, чтобы мне не мешали онанизмом заниматься... Чем задавать глупые вопросы, сгонял бы лучше за лифтером!

«Остряк, – усмехнулся Полуниин. – Хорошо бы увидеть, сохранишь ли ты чувство юмора, когда наконец выберешься на улицу?»

Мимо Полунина пробежал, спускаясь по лестнице вниз, Шакирыч. Владимир отправился вслед за ним. Когда он вышел и сел в «уазик», Шакирыч уже сидел за рулем, запустив двигатель.

Шакирыч направлял «уазик» в сторону восточной окраины города, на которой располагалась обширная сеть частных гаражей. Здесь в одном из гаражных кооперативов Полуниин купил два смежных кирпичных гаража, которые он и его сегодняшние спутники между собой называли отстойником. В этом гараже хранились и переоборудовались угнанные автомобили.

Однако отстойником по прямому назначению давно уже не пользовались, так как уже несколько лет ни Полуниин, ни его подельники не занимались кражей автомашин. Процветал и давал неплохие доходы легальный бизнес Владимира Полунина.

Принадлежавшая ему станция техобслуживания и ремонта автомобилей, на которой работали Шакирыч и Болдин, была одной из самых крупных в городе. Кроме этого, Полуниин владел и небольшим автосалоном, в котором продавали как новые, так и подержанные автомобили. Поэтому отстойник в основном использовали как складское помещение, где хранились запчасти.

К тому времени, когда Болдин загнал «Паджеро» в один из боксов гаражей, в другом боксе уже стоял белый джип «Ленд-Ровер».

Когда к гаражам подъехали Полунин с Шакирычем, Славка уже отвинтил у «Ниссана» номера и занялся осмотром машины с целью определения объема предстоящего ремонта, в том числе рулевой колонки и системы зажигания.

Шакирыч тут же присоединился к нему. Им обоим предстояла работа по переоборудованию иномарки. Необходимо было не только восстановить поломанную при угоне систему, но и сменить все имеющиеся замки на новые, затереть заводские номера на кузове, а также перебить их на двигателе джипа. Полунин отвечал за изготовление новых документов для иномарок.

– Ну что скажешь? – спросил Шакирыча Полунин, когда тот закончил осмотр машины. – Надолго вам здесь работы хватит?

– Нет, тут особо мудрить не придется, – пожал плечами Шакирыч. – Если не спеша, по вечерам, то за неделю управимся. Может, дней десять. В принципе, тачка в хорошем состоянии. Если бы этот оболтус, – Шакирыч кивнул на Славку, – не раздолбал нещадно рулевую колонку, то работы было бы совсем мало.

– Ладно, не умничай, старый аккуратист, – огрызнулся Славка. – Я бы посмотрел, как бы ты на моем месте эту ловушку обнаружил.

Вячеслав рассказал Полунину о том, с какими трудностями он столкнулся, когда запускал двигатель джипа.

– Тоже мне, фенечка, – буркнул Шакирыч. – О таких ловушках каждый студент знает, кто хоть когда-нибудь на автомеханическом учился.

– Ну извините, – развел руками Славка, – мы университетов не кончали.

– Хватит лаяться, – оборвал их Полунин. – Шакирыч, что с номером на моторе?

– Все нормально – есть две восьмерки и единица, – ответил тот и пояснил: – Единицу переправим на четверку, а восьмерки перетрем на тройки.

– Понятно, – произнес Полунин. – А теперь давайте еще раз четко ответьте мне, успеете ли вы за две недели сделать все как надо, чтобы комар носа не подточил.

Шакирыч и Болдин переглянулись, после чего Болдин уверенно произнес:

– Успеем.

– Угу, – подтвердил Шакирыч, доставая из кармана пачку «Беломора». – Сделаем, можешь не волноваться.

Полунин довольно улыбнулся. Хотя Шакирыч с Болдиным постоянно переругивались и на первый взгляд жили как кошка с собакой, работу оба знали хорошо и относились к ней ответственно.

* * *

Домой Полунин вернулся во втором часу ночи. Едва он переступил порог квартиры, как ему навстречу вышла Анна.

Жена, как обычно, ждала его возвращения и не ложилась спать. Так было всегда, если Владимир не предупреждал ее о том, что он задержится или вообще не будет ночевать дома.

За все четыре года совместной жизни Анна никогда не спрашивала, где он был и чем занимался. От своего супруга она требовала лишь одного – чтобы он всегда предупреждал ее, что задержится или уедет из города.

У жены Полунина была какая-то странная боязнь неопределенности. Она была очень привязана к своему мужу и всегда переживала за него, если у Владимира возникали какие-то проблемы на работе.

Полунину иногда казалось, что Анна все же догадывается о том, что он занимается далеко не безобидным бизнесом. Возможно, именно этим и объяснялся ее страх за его судьбу, а следовательно, и за судьбу их семьи.

Семья, по убеждению Владимира, была одной из самых больших удач в его жизни. За все время, что Владимир и Анна жили вместе, у них почти не было ссор. Анна никогда ничего не требовала от Полунина ультимативно. У нее был особый дар исподволь, спокойно и аргументированно убеждать своего мужа в необходимости тех или иных решений.

Полунин ценил это качество жены, столь редкое в семейной жизни, и, в свою очередь, старался не давать ей лишнего повода для огорчений.

Однако сегодня по понятным причинам он не мог точно сообщить, когда вернется. Поэтому первый вопрос, который задала супруга, был стандартным:

– Почему так поздно? Ты не предупреждал меня о том, что задержишься. Я звонила на работу, мне сказали, что тебя там нет.

Полунин улыбнулся и обнял ее.

«Замечательная женщина, – подумал он. – Сама заранее предупреждает мужа о том, в каком направлении ему врать не стоит».

– Ничего страшного, – сказал он. – Просто у одного клиента поломалась купленная у нас автомашина. Мужик оказался скандальный, пришлось мне самому ехать на место и разбираться с его проблемой.

Владимир был не уверен, но ему показалось, что супруга удовлетворилась ответом.

– Антошка спит? – спросил он.

– Спит давно, ждал тебя до десяти. Есть будешь?

– Дай чего-нибудь перекусить, – согласился Полунин.

Анна отправилась на кухню готовить для мужа поздний ужин. Владимир же, сняв куртку, прошел в зал своей трехкомнатной квартиры и, взяв трубку телефона, быстро набрал номер. Ему ответили почти сразу.

– Вас слушают, – произнес в трубке сильный мужской голос с характерной хрипотцой, выдающей в говорившем заядлого курильщика.

– Это Владимир звонит... Полунин. Передайте Леониду, что все, что он просил, готово. Через две недели пусть приезжают заказчики.

– Я все понял, передам.

Полунин положил трубку и направился в детскую комнату. Его трехлетний сын Антошка спал на спине, раскинув руки. Одеяло сползло с кровати и касалось пола.

Полунин аккуратно поправил одеяло и еще несколько минут стоял у кровати, с улыбкой наблюдая за сопящим во сне сынишкой.

В этот момент Владимир окончательно решил, что сегодняшнее дело будет для него последним. Дальше рисковать он не мог и не хотел, слишком много для него значили его работа, положение в обществе и, конечно же, семья.

* * *

Через две недели после этих событий Полунин выехал из дома на своем темно-синем «БМВ» пятой модели и направился на обговоренное место встречи с заказчиком украденных автомобилей – на небольшую площадку для парковки, расположенную рядом с Борисовским рынком.

Болдин был уже там. Он прохаживался вдоль здания рынка, нервно пережевывая жвачку. Как только Полунин остановил машину, Славка прыгнул на заднее сиденье.

– Джипы пригнали? – спросил Владимир.

– Все нормально, стоят тут недалеко, во дворе жилого дома. Там их Шакирыч караулит, – ответил Болдин.

– Кавказцы не появлялись?

– Нет, никого.

Полунин посмотрел на часы. Была половина седьмого.

– Пора бы им уже появиться, – произнес он.

Он протянул руку, открыл бардачок и вынул оттуда пистолет «ТТ». Сняв его с предохранителя, передернул затвор, потом засунул пистолет за пояс брюк на животе, прикрыв полой куртки.

– Ты что, Иваныч, – удивленно проговорил Славка. – Не доверяешь этим пиковым, что ли?

– Я, Славка, доверяю только тебе и Шакирычу, и то не на все сто процентов, – пояснил Полунин.

– Это почему же? – немного обиделся Славка.

– Да потому, что у тебя в башке еще свист, свойственный малолеткам. Зато у Шакирыча в мировоззрении уже всюду прогрессирует старческий консерватизм. Вот поэтому я вас и заставляю в паре работать. Хотя вы и собачитесь частенько, но вместе вы уравниваете друг друга. Ты не даешь ему засидеться на месте, а он страхует тебя от необдуманных решений.

Славка посмотрел на Полунина и, скептически усмехнувшись, спросил:

– Умно придумано, но вдруг мы с этим старым ослом все же не договоримся по какому-нибудь вопросу? Тогда что ты делать будешь?

– По башке вам настучу обоим, – спокойным тоном ответил Владимир. – Нормальные мужики должны договариваться. Ну и выступлю третейским судьей, приму правильное решение.

– Хорошо ты устроился, Иваныч, – улыбнулся Славка и, тут же посерьезнев, добавил: – Ты же говорил, что это блатники приедут. Эти люди по понятиям живут, своих кидать не будут.

– По понятиям, Слава, все живут. Каждый по своим, – ответил Болдину Владимир и, взяв с приборной панели пачку «Мальборо», закурил. – К тому же кавказцев этих я видел всего лишь раз в жизни, когда они приезжали заказ делать.

Полунин взглянул в зеркало заднего вида. Его внимание привлек серебристый «Мерседес», который, проезжая по улице, вдруг резко сбавил скорость и, свернув, припарковался на площадке недалеко от «БМВ» Полунина.

– А вот и джигиты приехали за своими скакунами, – усмехнулся Полунин, пристально наблюдая за «Мерседесом».

Задняя дверь подъехавшей иномарки открылась. Из машины вылез высокий молодой мужчина, несмотря на утреннюю осеннюю прохладу, одетый в легкий летний костюм песочного цвета, который резко контрастировал с его черными как смоль волосами.

Кавказец огляделся и не спеша подошел к «БМВ». Полунин нажал на кнопку стеклоподъемника, и тонированное стекло опустилось. Кавказец, просунув голову в окно, внимательно оглядел присутствующих и коротко спросил:

– Гдэ мащины?

Полунин и Болдин переглянулись.

– Вы что, очень торопитесь? – спросил Полунин.

– Нэт, нэ очень, – пожал плечами тот. – А что?

– В таком случае мог бы и поздороваться для начала, – ответил ему Полунин.

– Угу, – неопределенно проговорил брюнет. – Так гдэ мащины?

– Здесь неподалеку. А где деньги? – задал встречный вопрос Владимир.

– Пойдем, смотреть буду тачки, – категорично заявил кавказец.

– Тебя как зовут? – спросил Полунин у кавказца.

– Вахо, – коротко ответил тот.

– Вот что, Вахо... ты давай не выделяйся. Зови сюда своего шефа. И пусть бабки захватит. С тобой нам базарить больше не о чем.

После этих слов Полунин нажал на кнопку и поднял стекло автомобиля.

– Мутные людишки какие-то, – проговорил Славка, наблюдая, как кавказец, потоптавшись на месте, вернулся к «Мерседесу» и что-то проговорил в приоткрывшееся окно.

Дверь «Мерседеса» открылась. Из машины вылез пожилой мужчина очень маленького роста. У мужчины был цепкий взгляд, подбородок он держал высоко задраным, что создавало впечатление надменности. На нем был неброский серый костюм, белая рубашка и темный галстук. В правой руке мужчина держал большой кожаный дипломат коричневого цвета с золотыми замками.

Когда пожилой кавказец подошел к «БМВ», Полунин протянул руку и открыл дверцу рядом с передним пассажирским сиденьем. Пожилой кавказец не спеша уселся на сиденье и захлопнул дверь.

– Здравствуй, Володя, – расплылся он в улыбке, протягивая руку, на которой блеснул широкий золотой браслет.

Полунин обменялся с гостем рукопожатием:

– Привет, Аслан.

– Как жизнь, как бизнес? – радушно улыбаясь, заговорил Аслан.

– Спасибо, все потихоньку движется.

– Как здоровье? – придав лицу обеспокоенность, спросил кавказец. – Что-то ты нэважно выглядишь, дорогой. Наверное, плохо кушаешь, мало спишь.

– В последнее время было много работы, – ответил Полунин. – Надо было выполнить твой заказ в срок, как я и обещал. А я свое слово привык держать.

– Хорошо, дорогой, – довольно произнес Аслан. – Леня Бык не зря тебя хвалил.

Полунин промолчал в ответ. Молчал и Аслан, нервно постукивая пальцами по дипломату, лежащему у него на коленях. Наконец кавказец, прервав молчание, произнес:

– Ну что ж, пора джипы посмотреть. Где они? – Он внимательно посмотрел на Полунина.

– Здесь недалеко. Вячеслав отведет твоего человека и все покажет. Деньги с тобой?

– Э-э, дорогой, – расплылся в улыбке Аслан. – Конэшно, со мной.

При этих словах он похлопал рукой по дипломату. Владимир кивнул на дипломат, давая понять, чтобы кавказец открыл его. Тот нехотя щелкнул замками и открыл крышку кейса. В нем лежали несколько пачек, состоящих из стодолларовых купюр.

– Сколько здесь? – спросил Полунин.

– Как договаривались, восемьдесят, дорогой. Два джипа, по сорок штук каждый. Все, как и договаривались, – снова произнес он.

Полунин протянул руку к одной из пачек, перетянутых посередине бумажной лентой, и двумя пальцами веером перелистал купюры. Когда Полунин убрал руку, Аслан тут же захлопнул крышку, закрыв кейс на замки.

– А у тебя что? – спросил он у Полунина.

– Все, как ты просил. Белый «Ленд-Ровер» и темный «Паджеро». Машинам года нет, обе в идеальном состоянии. Все мелочи, которые были, мы устранили.

Он повернулся к сидящему на заднем сиденье Славке и распорядился:

– Проводи Вахо, пусть осмотрит джипы.

Вячеслав кивнул и вылез из машины.

Через несколько секунд они вместе с Вахо ушли в тот двор, где Шакирыч сторожил джипы. Полунин достал сигарету, прикурил, после чего вынул из багажного кармана в двери «БМВ» прозрачную папку с документами и протянул их Аслану.

– Здесь документы на автомобили, – сказал он. – Можешь ознакомиться.

Аслан взял папку и внимательно пролистал бумаги.

– Все вроде нормально, – наконец произнес он, – хорошо сделано. Надеюсь, проблем с мусорами не будет по пути домой.

– Не волнуйся, – ответил Полунин. – В дороге ни один гаишник не прикопается. Сами же менты и делали эту ксиву.

– Хорошо, – произнес довольный Аслан, – хорошо работаешь. Если все пройдет нормально, то мне еще машины понадобятся. Разные машины.

Владимир молча курил, оставив без внимания последнее высказывание Аслана.

– Так как насчет дальнейших дел? – задал уже прямой вопрос кавказец. – Мне через месяц еще два внедорожника нужны будут.

– А никак, – пожав плечами, ответил Полунин, – ищи других исполнителей. Я на этот заказ подписываться не буду.

– Почему? – равнодушным голосом спросил Аслан, глядя в окно. – По-моему, я хорошо плачу...

– Не в деньгах счастье... – усмехнулся Полунин. – У меня еще и другие дела имеются.

Кавказец перевел взгляд на Полунина и медленно, но со скрытым значением произнес:

– Странно это, слушай... Леня Бык мне совсем другое о тебе говорил. Он сказал: «Подойди к нему, скажи, что от меня, и он любой заказ твой выполнит». Я думал, его слова для тебя много значат.

Полунин затушил сигарету в пепельнице и, бросив на кавказца угрюмый взгляд, произнес:

– Вот что я тебе скажу, Аслан... Леня Бык – человек, конечно, авторитетный, но я у него в шестерках не бегаю. Я сам себе хозяин и ни на кого не работаю. А на дело хожу тогда, когда сам посчитаю нужным. Леонид нас с тобой только познакомил, и не более того. Договаривался же о деле ты со мной, а не с ним. Дело сделано. Поэтому, если у тебя нет претензий, давай закончим его и разойдемся без обид.

– Что ты, что ты, какие обиды, – быстро заговорил Аслан, – какие у меня могут быть обиды? Не хочешь заработать – не надо. Других найдем – другие заработают. Какие обиды, слушай?

В этот момент к «БМВ», в котором сидели Полунин и Аслан, вернулись Вахо и Славка. Последний уселся на заднем сиденье и доложил:

– Тачки осмотрели. Претензий у клиентов вроде бы не имеется.

Аслан опустил зеркало и вопросительно посмотрел на своего телохранителя. Тот наклонился к шефу, оперевшись локтем в дверь, и тихо сказал:

– Все нормально. Машины новые, номера на моторе как заводские. Нэ подкопаешься.

Аслан молча выслушал сообщение и после нескольких секунд раздумий сказал:

– Хорошо, значит, сделка состоялась.

После этих слов он решительным жестом передал кейс с деньгами Славке, сидящему на заднем сиденье «БМВ». Тот вопросительно посмотрел на Полунина и, получив от него утвердительный знак, протянул Вахо через раскрытое окно связку ключей.

– Прощай, Вова, приятно было с тобой иметь дело, – произнес Аслан, отворачиваясь и собираясь вылезти из автомобиля.

В этот момент Полунин быстро нажал на пульте сигнализации кнопку центрального замка, заблокировав тем самым двери «БМВ».

Аслан в недоумении замер, но в следующую секунду его недоумение превратилось в смятение. Полунин левой рукой схватил кавказца сзади за волосы и рванул его на себя, а правой рукой выхватил из-за пояса пистолет и приставил его дуло к затылку Аслана.

– Не торопись, сука, – произнес Владимир, – мы еще не все обсудили.

Вахо, протянувший было руку к ключам от джипов, увидев произошедшее, отреагировал очень быстро. Он мгновенно выхватил из подплечной кобуры пистолет Макарова. Держа оружие обеими руками, Вахо, слегка наклонившись, направил дуло пистолета в голову Полунину.

Но телохранитель опоздал на секунду – Полунин уже держал своего пленника на мушке, прикрывшись им.

– Поставь свою «волыну» на предохранитель и спрячь ее в карман пиджака, – скомандовал Владимир телохранителю жестким тоном.

Тот колебался, бросая взгляд то на побагровевшее лицо хозяина, то на Полунина.

– Ну, живо исполняй, урод, мать твою! – гаркнул Полунин. – Иначе я твоему хозяину в башке иллюминатор сделаю.

При этих словах Полунин ткнул стволом пистолета в затылок Аслана. Тот скривился от боли и тут же сам прикрикнул на своего растерявшегося охранника:

– Что стоишь?! Делай, что тебе говорят!

Когда Вахо выполнил приказ, Аслан скосил взгляд и почти ласковым голосом произнес:

– Что случилось, Володя? Ты что творишь? Совсем с нэрвами у тэбя плохо стало.

– Хочу тебе один вопрос задать, – ответил Полунин, слегка ослабив хватку, что дало вздохнуть Аслану чуть свободнее.

– Что за вопрос, дорогой? Если что надо, я все тебе скажу, как на духу, – участливо спросил он.

– За кого ты меня держишь, паскуда? За лоха придурковатого или, может быть, за пацана сопливого? – проговорил в ухо кавказцу свои вопросы Полунин.

– Что ты, что ты, – запричитал кавказец с явно деланным удивлением, – какой лох? Почему пацан? О чем ты говоришь?

– О той туфте, которую ты мне в качестве оплаты за мою работу подсунуть пытаешься, – последовал ответ Владимира. – Я же сразу срубил, что доллары твои липовые. Ты что же, меня кинуть решился?

Пленник сделал удивленно большие глаза и быстро заговорил:

– Что ты, Володя, зачем кинуть? Я тебе сейчас все объясню, только не стреляй!

К этому моменту из «Мерседеса» выскочили еще два кавказца, вооруженные, как и Вахо, пистолетами и намеревающиеся прийти на помощь своему шефу. Но их остановил Вахо, крикнув им что-то на своем языке. Они остались стоять как вкопанные рядом с «Мерседесом».

– Не хер здесь базарить, – зло прорычал Полунин. – Где деньги? Где нормальные гриньы? И не говори мне, что ты их дома случайно забыл!

– Нет, нет, что ты, – запротестовал Аслан, – зачем забыл? Ничего нэ забыл! Я на всякий случай тэбе фальшивые подложил. Мало ли что бывает, вдруг вы мэня кинуть решили. Сам понимаешь – деньги привезли нэ копеечные. А с вами я первый раз дэло имею.

– Не дребезди, падла! – Полунин после этих объяснений еще больше рассвирепел. – Ты со мной не на улице познакомился, тебя ко мне уважаемый человек прислал. Наверняка словом своим поручился. К тому же я до последнего момента ждал, когда ты расколешься, что туфту мне подсунул. Но ты, сука, молча сдернуть собрался!

– Нет, Володя, нет! Ты нэ понял...

– Где деньги, падла?! Ну, говори...

– Здесь... Сейчас будут, – произнес Аслан и крикнул замершему в ожидании Вахо: – Что встал, как баран у ворот! Иди неси бабки! Или ты хочешь, чтобы он меня здесь пристрелил?!

Вахо быстро развернулся и побежал к «Мерседесу». Через несколько секунд он вернулся, неся в руке еще один кейс, на сей раз черного цвета. Подойдя к «БМВ», он протянул кейс Болдину через окно машины.

Славка, несмотря на то, что был сильно удивлен всем происходящим, все же не растерялся и, быстро приняв из рук Вахо кейс, раскрыл его. Как и ожидалось, внутри лежали

несколько упаковок американских долларов. Болдин наугад вскрыл несколько пачек и внимательно осмотрел купюры.

– Кажется, настоящие, – наконец произнес он, обращаясь к Полунину.

– Канэшно, настоящие, Володя. Какие же еще могут быть?.. – снова подал голос Аслан.

Полунин, не убирая дуло пистолета от головы пленника, освободил его шевелюру и, повернув ключ зажигания, завел автомобиль.

– Сиди тихо! – приказал он Аслану, после чего посмотрел на его телохранителей и добавил: – Вы тоже не дергайтесь, иначе у вашего босса будут большие проблемы со здоровьем.

«БМВ», управляемый Полуниным, резко сорвался с места, дав задний ход, и выехал на проезжую часть. Затем машина так же резко рванулась вперед, удаляясь на большой скорости от места встречи.

Телохранители, постояв в нерешительности несколько секунд, по команде Вахо бросились к «Мерседесу» и вскоре уже гнали за «БМВ».

Полунин остановил машину у въезда в дом, во дворе которого стояли джипы. Из подворотни вышел Шакирыч и направился к «БМВ».

Владимир повернулся к сидевшему рядом с ним Аслану. Тот замер в ожидании, скосив на Полунина глаза.

– Пошел вон отсюда, – коротко произнес Полунин. – Выметайся.

Кавказец не заставил себя долго уговаривать и быстро выскочил из машины. На его место тут же сел Шакирыч, удивленно взглянув на стоящего на тротуаре Аслана.

Полунин, засунув пистолет за пояс брюк, схватил лежащую на панели управления папку с документами на краденые внедорожники, швырнул ее на асфальт перед кавказцем.

– Отдай ему ключи от машин, – приказал Славке Полунин.

После того как Болдин выполнил приказ и ключи приземлились рядом с папкой, Полунин произнес, обращаясь к Аслану:

– Не попадайся мне больше на глаза, в следующий раз ты так легко не отделаешься. Это я тебе обещаю.

«БМВ» тронулся с места как раз в тот момент, когда у тротуара рядом с ним припарковался «Мерседес» кавказцев, из которого выскочили охранники Аслана. Они выжидательно и немного виновато уставились на своего шефа.

Тот молча проводил взглядом удаляющуюся иномарку Полунина, затем посмотрел на ключи от машины, лежащие у его ног. На его лице уже не было и тени страха, зато ненависть и злость яркой краской заливали его.

Он крикнул помощникам:

– Что уставились?! Нэужели нэ знаете, что вам надо дэлать? Поднимытэ ключи и вигоняйте машины! Стоите как ослы. Охранники из вас – полное говно, так работайте водылами.

Аслан решительно подошел к «Мерседесу» и, нырнув в салон машины, громко хлопнул дверцей.

Глава вторая

Несколько минут Полуниин и его спутники ехали молча. Отъехав на приличное расстояние от места, где был высажен из машины кавказец, Владимир вынул пистолет из-за пояса брюк и переложил обратно в бардачок автомобиля.

Шакирыч, проследивший взглядом за движениями Полуниина, решился первым нарушить тишину:

– Похоже на то, что расстались вы с кавказцами не друзьями. Что там у вас случилось?

Полуниин промолчал, но «слово взял» Славка. Он очень быстро избавился от переживаний, связанных с внезапно возникшим вооруженным противостоянием. И хотя оружие по настоящему в ход не пустили, но именно оно стало решающим аргументом в споре.

– Ничего страшного, Шакирыч, – небрежным голосом сказал Болдин. – Просто этот чурка испортил воздух в салоне и Иваныч с помощью «вопыны» прогнал его из машины.

– Очень смешно, – угрюмо отреагировал на шутку Славки Шакирыч, – ты бы лучше заткнулся. Небось, когда стволы достали, ты язык в зад себе засунул и затих, как окурок при тушенный.

– А чего мне было бояться? – равнодушным голосом спросил Славка. – Пистолет-то был у Иваныча. Он и разруливал первым номером возникшие проблемы.

– Так что же там все-таки случилось? – снова спросил Шакирыч, глядя на Полуниина.

Тот притормозил, остановив «БМВ» у тротуара, все так же молча достал из пачки сигарету и прикурил.

– Видишь вон те два портфеля? – наконец произнес он, кивнув на заднее сиденье, где по обеим сторонам от Славки лежали кейсы. – В обоих из них баксы. Но только в одном настоящие.

– Угадай, Шакирыч, в каком из них настоящие, – весело заявил Славка, положив руки на кейсы, – и дополнительный приз из восьмидесяти штук фальшивых гринов будет твой.

Шакирыч, нахмурившись, протянул:

– Ясно... На бабки нас поставить задумали, сучары черножопые.

– Задумали, – подтвердил Славка, – только вот чего-то не продумали. Иваныч их быстро раскусил... Кстати, Иваныч, а как это тебе удалось?

Славка достал из коричневого кейса упаковку долларов и, вынув из нее купюру, повертел в руке, разглядывая ее.

– Так сразу и не определишь, что она липовая, – произнес он. – Бумага вроде бы нормальная, краска тоже ничего. С виду как настоящие... Владимир Иванович, а может, ты зря наших пиковых друзей обидел? – улыбнулся Славка.

– Угу, – пробурчал в ответ Полуниин, раскуривая новую сигарету. – Ну если ты так уверен в этих фантиках, то давай я тебе твою долю ими и отдам.

Шакирыч, не упускающий шанса подколоть Славку, резко повернулся к нему и в тон Полуниину убежденно заговорил:

– Бери, Славка, бери, не прогадаешь. Ты как раз хотел ремонт у себя в квартире делать, вот и обклеишь свой сортир долларами вместо обоев. Ты любитель повыпендриваться.

– Спасибо за совет, добрые вы люди. Но думаю, что это как раз тот случай, когда лучше обойтись обоями, – ответил Болдин, продолжая разглядывать купюру. – Иваныч, так ты не ответил, как же ты все-таки допер, что деньги левые?

– Очень просто, – улыбаясь, произнес Полуниин, – я их перелистал... И смотрел на номера.

Славка тоже посмотрел на номер и, ничего так и не заподозрив, сказал:

– Ну и что тут такого – номер как номер. К тому же в пачке ты не все его цифры видел.

– Да, не все, но первые знаки были одни и те же на всех купюрах. Если мне не изменяет память, то серия на купюрах начиналась с AL 5874... А такое может быть лишь в том случае, если их только что напечатали. Аслан же, как ты понимаешь, к нам не из Америки приехал. Значит, печатали их где-нибудь поблизости, например, в Чечне.

– А почему ты его сразу за воротник не взял, когда заметил, что он нам туфту подкидывает? – не унимался Болдин.

– Просто дал этому козлу шанс, – со злостью в голосе ответил Владимир. – Мне этот фортель сразу не понравился, но я решил все же пойти ему навстречу. Я подумал, что он страхуется от кидняка. Ну а когда он уже из машины ломанулся, оставив чемодан с фальшивыми бабками, тогда я решил, что ждать больше нечего, и взял его на кукан.

Шакирыч, молча слушавший диалог между Полуниным и Болдиным, тяжело вздохнул.

– Да-а, на сей раз пронесло, – протянул он. – А ведь могли попасть на кругленькую сумму. И, главное, сколько работы было бы впустую проделано. Я как чувствовал, что не стоит связываться с этими нерусями.

– В ваших устах, господин Рамазанов Эльдар Шакирович, это суждение звучит особенно трогательно, – снова поддел Славка старика.

– Да пошел ты... – отмахнулся Шакирыч от Славки. – Я россиянин, – не без гордости добавил он, – на своей земле живу и разным беспределом не занимаюсь, в отличие от этих приезжих.

Полунин посмотрел на разгневанного старого националиста и улыбнулся.

– Да успокойся ты, Шакирыч, – произнес он, – не все ли равно, какая мать тебя родила – узбечка или украинка? Дерьмо везде есть, в любой нации. Наверное, потому-то нам с тобой и не везло в жизни – слишком часто на нашем пути подлецы попадались. Вот и сегодня не повезло в этом смысле. Но ничего, выкрутились же.

– Сегодня выкрутились, – угрюмо подтвердил Шакирыч. – А завтра – не знаю. Вот времена настали, вор вора нагреть хочет. Не знаешь, кого больше бояться – ментов или своих, кому можно доверять, а кому нет. Дело наше все опасней становится.

– Оно всегда таким было, – заметил Полунин.

– Потому и бабки такие немалые имеем с него, – весело добавил Болдин.

– Сегодня ты чуть фантики не поимел, а мог бы и пулю схлопотать, – огрызнулся Шакирыч. – Нужны тебе деньги мертвому? Да и если менты тебя загребут, от денег толку тоже не очень много.

– Что-то ты сегодня не в себе слегка, Шакирыч, – удивленно высказался Славка. – Может, тебе нервишки подлечить надо?

– Стар я уже для таких дел, – устало произнес Шакирыч.

– Все, хватит базарить, – оборвал их Полунин. – С этим делом покончено, тачки сдали, бабки... так или иначе, получили. Забыли обо всем. У нас с вами других дел полно. Время уже девять, на станцию надо ехать.

Полунин протянул руку и произнес, обращаясь к Славке:

– Давай сюда черный кейс.

Болдин передал дипломат Полунину, и тот, открыв его, вынул шесть упаковок долларов. Три он отдал Болдину, три протянул Шакирычу.

– Ваша доля, мужики, – произнес он. – Мне столько же – пятнадцать штук. Остальное на накладные расходы и в наш общак. Сами знаете, случись что непредвиденное – эти деньги пригодятся.

Шакирыч молча засунул деньги в карман, а Славка, хлопнув пачками денег о ладонь, весело сказал:

– Ну вот, награда все же нашла героев. Что может быть приятней этого момента? – Болдин задумался на секунду. – Пожалуй, только одно...

– Что же это? – спросил Полунин, доставая из кармана куртки склянку с таблетками.

Он рассыпал ее содержимое у себя на ладони и, взяв другой рукой пару белых пилюль в глазурированной оболочке, проглотил их.

– Впрочем, я знаю, о чем ты думаешь, – добавил он, слегка сморщившись то ли от горечи таблеток, то ли от боли в желудке. – Ты имеешь в виду азарт. Выслеживание жертвы, сидение в засаде, угон автомобиля и, главное, риск, связанный с этим.

– Верно мыслишь, Иваныч, – весело произнес Славка. – Нравится мне это дело.

Молчащий до этого момента Шакирыч посмотрел на склянку в руке Полунина и произнес не в тему разговора:

– Кому и не мешало бы подлечиться, так это тебе, Володя. Ты когда последний раз у врачей был?

– Давно, Эльдар, давно, – ответил Полунин. – До тюрьги я был здоров и не было надобности к ним обращаться, а на зоне местные коновалы так меня лечили, что на всю жизнь охоту к ним обращаться отбили... Разве что к какой-нибудь бабке сходить, к колдунье.

Полунин, неожиданно нахмурившись, произнес:

– Одно только у меня не выходит из головы...

Шакирыч, словно ждавший этой фразы Владимира, быстро повернулся к нему и спросил:

– Ты о Леониде говоришь?

– Да, – подтвердил Полунин, – до этого раза он нам таких клиентов не присылал. А ведь он за свой базар отвечать должен. Если уж подбрасывал нам клиента, то гарантировал, что он не вшивый.

– Ну и что ты по этому поводу думаешь? – задал вопрос Рамазанов. – Он что, лоханулся насчет этого Аслана или, может быть, его подставили самого?

– Какой смысл гадать? – усмехнулся Полунин. – Проще у самого Быка спросить.

– Если бы нас сегодня на бабки поставили, пришлось бы, наверное, не только поговорить, но и съездить на личную встречу с ним, – предположил Славка. – Давно ты, Иваныч, в родном городе не бывал.

– Давно, – задумчивым голосом подтвердил Полунин, – сразу после отсидки съездил домой, собрал вещички и на стареньком «Москвиче» приехал сюда.

– И что, неужели не тянет в родные места?

– Век бы туда не возвращаться, – жестко ответил Полунин.

– Почему, Иваныч? – удивился Болдин.

– Потому что не родные они мне уже, – ответил Владимир хмуро. – Меня там ничего не держит, нет ни дома, ни родни. Нет ничего, кроме дурных воспоминаний. А здесь у меня работа, семья, друзья тоже здесь, – при этих словах Полунин чуть улыбнулся, бросив мимо-летный взгляд на своих спутников.

– Даже мать у меня здесь похоронена, и, в конце концов, в этих местах я на зоне чалился, – продолжил он. – Так что здесь теперь мои родные места...

«БМВ», промчавшись по небольшой улочке, въехал в широко распахнутые металлические ворота, на которых белой краской были выведены слова «Станция технического обслуживания автомобилей».

– Ну вот и приехали, – произнес Полунин, вылезая из автомашины.

* * *

Две иномарки – черного цвета седан «Линкольн» и джип «Шевроле Блэйзер», отъехав от гостиницы «Восток», помчались по улицам города по направлению к окраине.

Через двадцать минут шофер «Линкольна», высокий худой мужчина с бритой головой, воспользовавшись тем, что машина остановилась на красный свет светофора, повернулся к сидящему на заднем сиденье боссу:

– Шеф, у меня что-то машина сильно ревет, по-моему, что-то с мотором приключилось. Неплохо бы посмотреть, что там. А то дорога домой длинная, не дай бог, что в пути случится.

Пожилой мужчина в темном костюме, к которому обращался шофер, оторвал взгляд от газеты, которую читал, и, посмотрев поверх маленьких узких очков на водилу, недовольным голосом сказал: – А ты что, раньше не мог ее осмотреть? Обязательно это делать, когда мы уже домой собрались?

– А когда мне было это делать? Оба дня, что мы здесь в командировке, я из тачки не вылезаю. К тому же она только сегодня что-то зашумела. И вообще надо было на «мерсе» ехать, а не на этой старухе, хотя она и представительская.

– Еще и ты меня учить будешь, – проворчал начальник. – Я без тебя разберусь, на чем мне ездить в командировки. А машину ты должен был осмотреть еще до поездки. Работу свою из рук вон плохо делаешь. Если так дело дальше пойдет, вышвырну тебя из фирмы.

Шофер отвернулся от разгневанного начальника, сделав слегка обиженное лицо, и пробубнил:

– Чего я-то... Работаешь, работаешь, а тебе еще по башке настучат...

– Заткнись, – оборвал его шеф, – и давай лучше поищи, где машину можно осмотреть.

Шофер, перегнав «Линкольн» через перекресток, притормозил у тротуара, следом за ним остановился и джип, в котором ехала охрана.

Водитель «Линкольна» высунулся из окна и, обратившись к прохожему, спросил:

– Мужик, подскажи, где здесь поблизости станцию техобслуживания можно найти?

Прохожий остановился и, поразмышляв секунду-другую, ответил:

– Вон там, через два квартала, по улице Лесной есть какая-то станция, где тачки ремонтируют.

Шофер поблагодарил и продолжил путь. Сидящий рядом с ним охранник с рацией в руке предупредил своих людей в джипе об изменении маршрута.

* * *

Двор станции техобслуживания, в который заехал «БМВ» Полунина, был узким и длинным. Напротив бетонного забора тянулись кирпичные боксы, в которых и ремонтировали машины.

Напротив ворот над одним из боксов был надстроен этаж. Здесь располагался офис фирмы Полунина.

Во дворе уже стояла черная «Вольво-850», из которой навстречу Полунину и его спутникам вылез высокий парень, одетый в цветастый спортивный костюм. Левая его рука была перебинтована чуть повыше кисти.

– Здорово, мужики, – пробасил встречающий.

– А вот и наша славная «крыша» пожаловала в гости, – весело проговорил Славка, первым подошедший к парню для рукопожатия. – Ветерану городского рэкета, неутомимому бойцу криминальных разборок, почетному братану Ее Величества Удачи Антону Синицыну, по прозвищу Самбист, – пламенный привет!

– Ой, досвистишься ты у меня когда-нибудь, – снисходительно улыбаясь в ответ на треп Славки, ответил Антон. – Если бы не защита Иваныча, я бы давно уже провел с тобой воспитательную работу...

Самбист повернулся к Полунину:

– Владимир Иванович, а может, дашь мне его на денек. Я его за язык у себя в колбасном цеху подвешу и прокопчу немного.

– Оставь его, это бесполезно, – отмахнулся Полунин. – Боюсь, что после этой процедуры у него язык еще больше вытянется.

– А что это у тебя с рукой? – не унимался Болдин, разглядывая перебинтованную кисть. – Происки конкурентов или обжегся паяльником, выколачивая долги из какого-нибудь коммерсанта?

– Любовница укусила в сексуальном экстазе, – огрызнулся в ответ Сеницын.

– А тачку твою тоже она прострелила? – спросил Владимир, осматривая «Вольво» Сеницына. – Приревновала, наверное, к кому-нибудь.

Самбист почесал затылок и сказал:

– Иванович, я, собственно, по этому поводу. Тачку сделать надо по-быстрому. Вчера на «стрелке» с усачевской бригадой в трех местах машину продырявили.

– Что, такой серьезный разбор был? – спросил Полунин озабоченно.

– Нет, все вопросы миром бы порешили, если бы один козел с их стороны шибко нервным не оказался. У нашего Коляна зажигалка есть в виде пистолета, вот он ее и достал прикурить. А этот хмырь как увидел ствол в руках Коляна, так сразу за свой схватился, но уже настоящий – подумал, что завалить их решили. Саданул по нас, ну мы все как пальбу услышали, так сразу врзлет, кто по канавам, кто за машинами залегли. Никак не усечем, с какого хера такая мочилровка пошла. Мы-то с собой «волын» не прихватили, уговор был такой. Но, слава богу, разобрались, мы с Усатым из-за машин перебазировались и непонятки сняли. Усатый потом даже обещал этому своему ковбою-неврастенику по башке настучать.

Полунин внимательно выслушал рассказ Антона и хмуро произнес:

– На твоём месте я бы и вашему Коляну яйца оторвал, этот мудака своим пижонством всех под пули подставил.

– Я с ним проведу профилактическую беседу, – заверил Самбист. – Ну так как, сделаешь машину по-быстрому? А то ездить по городу неудобно, менты засекут, потом разговоров и объяснений не оберешься.

– Ладно, залепим мы твою тачку, – заверил Полунин.

– Насчет оплаты не беспокойся, – тут же добавил Антон. – Все будет как надо.

– Не суетись, – отмахнулся от него Владимир, – сочтемся как-нибудь. Шакирыч, скажи Борису, пусть займется Антохиной тачкой прямо сейчас, и сам ему помоги.

– А где я ее делать-то буду – все боксы заняты, – заерепенился Шакирыч.

– В шестой загони, – ответил ему Полунин.

– Там хлам разный валяется, да еще реликт твой стоит, «Москвич-408», – не унимался Рамазанов.

– Хлам вам не мешает, а «Москвич» выгони во двор, – ответил Владимир.

– Чего это Шакирыч сегодня такой злой? – спросил Сеницын у Славки.

– А чего ему радостным быть? – ответил тот. – Нас сегодня тоже чуть не замочили.

– Как это? – удивился Антон.

– А вот так вот. Клиент оказался кидалой. Вместо денег туфту подсунул. Хорошо, что мы вовремя разобрались и за стволы схватились, – ответил Славка и добавил: – Вместе с Иванычем, конечно...

Антон обратился к Полунину, который, услышав комментарий Славки, лишь улыбнулся.

– Может, помощь нужна? – спросил Антон. – Ты знаешь, Иваныч, наша братва тебя уважает. Ты только скажи, и мы этих кидал в моем колбасном цеху быстро в собачьи консервы перемелем.

– Спасибо, Антон, но на сей раз обошлись своими силами, – ответил Полунин и направился в офис, прихватив из «БМВ» оба кейса с долларами.

На втором этаже располагались две комнаты – бухгалтерия и собственно кабинет Полунина. Последний был невелик и отнюдь не выделялся своей отделкой. Мебель была не дорогая, но прочная. Однако техникой кабинет был оборудован на высоком уровне. Здесь располагался мощный компьютер, дорогой факс, радиотелефон, в стену был вмонтирован небольшой сейф с хорошим уровнем защиты.

К сейфу и направился Полунин, как только вошел в кабинет. Переложив доллары, он запер его и подошел к окну.

Начался новый рабочий день, и станция зажила своей жизнью. Во двор въехали две дорогие иномарки, с прибывшими клиентами заговорил Болдин, который официально числился заместителем Полунина.

Синицын развернул свою простреленную машину и подогнал ее к боксу, который ему указал Шакирыч.

«Ну что же, жизнь, несмотря ни на что, идет своим чередом, – подумал Полунин, вспоминая утренний эпизод. – Машины проданы, деньги в сейфе, фирма работает. Все вроде бы нормально. – Владимир слегка поморщился. – Черт, как болит желудок. Похоже, таки придется идти к докторам».

Полунин сел за стол и взял телефонную трубку. Несколько секунд он раздумывал, звонить или не звонить Леониду Волошину, в некоторых кругах известному больше как Леня Бык.

«Ладно, проехали, – подумал Владимир и положил трубку на рычаг, – в конце концов, это теперь не проблема. Сообщу как-нибудь при случае, каких клиентов он мне подкинул».

Через час дверь в кабинет Полунина без стука открылась и в дверном проеме показалась фигура Болдина.

– Иваныч, ну дела, я тебе скажу, – заявил он с порога.

– Что еще случилось? – насторожился Полунин.

– Я сейчас в автосалон сбегал, и кого, ты думаешь, я там увидел? – задал вопрос Славка, глядя на Владимира широко открытыми от возбуждения глазами. – Это судьба, Иваныч. Такое в жизни не часто бывает.

– Да говори же, не тяни kota за яйца! – рявкнул на Славку Полунин.

– К нам пожаловал фраер, у которого мы «Паджеро» увели, – ответил наконец Славка и, заметив настороженность во взгляде Полунина, добавил: – Да ты не волнуйся, он к нам пришел тачку себе присмотреть и как будто бы на «Форд Бронко» глаз положил. Я ему предлагал «БМВ»-«семерку», она поновее. Но он говорит, что к джипам привык и отвыкать не собирается.

Полунин облегченно вздохнул:

– В таком случае, чего ты здесь стоишь? Иди и работай с нашим постоянным клиентом, – слово «постоянный» Владимир выделил особо.

Но Славка не унимался:

– Нет, ну каков случай, какой финт судьбы! Вот будет прикол, если он у нас тачку купит.

– А ты сделай ему скидку процентов пять-семь, и он точно купит, – усмехнулся Полунин и, встав из-за стола, подошел к окну.

– Тоже мне, судьба, – чуть презрительно произнес он после паузы, во время которой молча смотрел во двор. – В городе три, может быть, четыре автосалона, торгующих подержанными иномарками, так что вероятность того, что он к нам придет, была велика, у нас самый большой выбор... Что там у этого «Линкольна» случилось?

Славка, подойдя к окну, посмотрел на машину, выкатываемую из бокса, и, махнув рукой, ответил:

– Да ничего особенного, глушитель у них пробит, поэтому и ревел, как резаный. Виталик его уже запаял, но менять его им все равно скоро придется.

Полунин, выслушав ответ Славки, продолжил начатую Болдиным тему:

– Это, Славка, не финт судьбы, как ты говоришь. Это так – обыденный случай. – Он достал из кармана склянку с таблетками и открыл ее. – Судьба – это когда ты, к примеру, десять лет думал, что человека уже нет в живых, а встретил его случайно у киоска, к которому вышел за сигаретами поздно вечером. Мне рассказывали про такие случаи, хотя я не очень верил...

Полунин замолчал, пристально вглядываясь в лица людей, окруживших поданный «Линкольн». Рука с горстью таблеток так и застыла на полпути ко рту.

– Что, Иваныч, понравилась тачка? – улыбаясь, спросил Славка. – Увести такую было бы интересно, но слишком опасно, представительский класс – штука очень приметная. Да и клиента сложно найти.

Болдин посмотрел на Полунина и понял, что тот его совершенно не слышит.

– Эй, командир, ты чего это застыл? – Славка коснулся рукой плеча Полунина.

Тот в ответ встрепенулся и, бросив таблетки на пол, ринулся к выходу со словами:

– Я сейчас...

Через несколько секунд Болдин увидел, как Полунин подбежал к высокому пожилому мужчине, садящемуся в отремонтированный «Линкольн». Заинтересованный этими странностями в поведении своего шефа, Славка отправился во двор.

* * *

– Александр Григорьевич!

Слатковский резко развернулся и с недоумением уставился на остановившегося в двух шагах мужчину.

Несколько секунд Слатковский, прищурившись, смотрел на своего визави.

Перед ним стоял невысокий широкоплечий мужчина, одетый в короткую кожаную куртку черного цвета, синие джинсы и такого же цвета джинсовую рубашку, обутый в дорогие кожаные ботинки. На вид ему было лет сорок – у него были почти седые волосы, бледное, с глубокими ложбинами на щеках лицо. Но Слатковский понял, что на самом деле мужчина значительно моложе.

Напряженно вглядываясь в лицо окликнувшего его человека, Слатковский вдруг с изумлением в голосе вымолвил:

– Володя... Полунина... Вот черт... – Надо же, признали, – усмехнулся Владимир. – А долго вы вспоминали. Я вас так сразу узнал. Вы мало изменились, разве что чуть поседели больше... да полысели.

Полунин улыбнулся, кивнув на обширную лысину Слатковского. Тот, все еще находясь под впечатлением неожиданности встречи, ответил:

– Чего не могу сказать про тебя – ты хоть и не полысел, зато изменился сильно.

– Это точно, – угрюмо согласился Полунин. – В тех местах, где я был, людей переделывают капитально...

Слатковский неуверенно потоптался на месте и, словно оправдываясь, произнес:

– Честно говоря, я не ожидал здесь тебя увидеть. Ты давно освободился?

– Это как посмотреть... Если со стороны, то давно, а мне кажется, что весь этот кошмар совсем недавно был, так хорошо я все помню.

Наконец Слатковский, видимо, окончательно придя в себя, сделал шаг вперед и, улыбаясь, протянул Полунину руку:

– Ну, здравствуй, Володя, очень рад тебя видеть.

Владимир, ответив рукопожатием, на словах был более сдержан:

– Не очень-то я в это верю. Но все равно спасибо на добром слове.

Слатковский, сделав вид, что не заметил последних слов Полунина, спросил:

– Ты здесь работаешь? Кем? Слесарем? Ведь ты был неплохим механиком.

– Не совсем, – ответил Полуниин. – Я хозяин этой станции.

– Хозяин! – удивился Слатковский. – Молодец! В бизнес подался. Впрочем, ты ведь на экономиста учился, пока тебя не посадили. Выходит, не зря учился.

– Не зря, – усмехнулся Владимир. – Посадили только вот зря.

Слатковский уже уверенно, с присущей ему вальяжностью сделал несколько шагов туда-сюда, осматривая станцию. Сейчас он выглядел как желанный высокопоставленный гость на территории подведомственного предприятия.

– Значит, это все твое? – уточнил он.

– Угу, мое, – ответил Полуниин, – и еще автосалон недалеко отсюда.

– Молодец! – повторил Слатковский. – Честно говоря, я всегда знал, что ты парень крепкий и из любого дерьма выберешься. Я был уверен в тебе, в том, что ты человеком станешь, и поэтому был спокоен, когда тебя замели. Я рад, что не ошибся в тебе.

Слатковский быстро подошел к Владимиру и похлопал его по плечу.

– Как видишь, я тоже кое-чего достиг в этой жизни, – продолжил он, указав на дорогие иномарки, на которых приехал, и ожидающую его охрану. – Так что мы с тобой можем смело смотреть в будущее и не бояться его. Такие, как мы, с любыми невзгодами справятся.

Полуниин, выслушав Слатковского, угрюмо посмотрел ему в глаза:

– Это вы хорошо сказали про будущее, только вот встреча со мной для вас... это скорее взгляд в прошлое. Поэтому, наверное, вы меня и вспомнить никак не могли, слишком далеко я там затерялся в минувших годах. Маленький неприятный эпизод в вашей жизни. Такое всегда хочется поскорее забыть и не вспоминать без надобности. Александр Григорьевич тяжело вздохнул, ему не нравился тон и сама тема неожиданно возникшего разговора, и он решил закончить его:

– Вот что, Володя, если честно, то я действительно все это давно забыл. И тебе того же желаю. Столько всяких событий пронеслось за это время, столько всего изменилось. Ты думаешь, мне было легко? Отнюдь нет, но мы же выдюжили, не сломались, поэтому давай смотреть вперед. Давай лучше подумаем о нашем будущем совместном бизнесе. Я уверен, мы с тобой таких дел можем наворотить, на зависть всем нашим врагам.

Слатковский подошел к Полунину и обнял его одной рукой за плечи.

– А кто старое помянет, тому, как говорят, глаз вон, – закончил он свою речь.

Владимир молчал, слегка ссутулившись под лежащей на плече рукой собеседника. Наконец он тихо произнес:

– А кто старое забудет, тому оба глаза.

– Не понял?.. – быстро переспросил Слатковский, немного удивившись.

– Это вторая часть пословицы, – ответил Полуниин. – Ее почему-то мало употребляют.

– Ты это к чему? – спросил Слатковский.

Владимир молча освободился от объятий Слатковского и ответил ему:

– Не получится у нас с вами никакого совместного бизнеса. Один раз мы уже работали вместе, и это... слишком печально для меня кончилось. Вы, Александр Григорьевич, партнер ненадежный, если не сказать большего.

Слатковский суровым взглядом оглядел Полунина.

– Да уж, не такой я хотел бы видеть нашу встречу, – произнес он, медленно расставляя слова. – Ну что же, очень жаль.

Он уже было направился к своей машине, как ему на глаза попался старый «Москвич» зеленого цвета, который выкатили из шестого бокса.

Слатковский остановился и с удивлением посмотрел на старую машину.

– Слушай, Вова, – произнес он с радостным удивлением, – а не мой ли это «Москвич»? Тот, который я тебе продал? Ведь он тоже зеленый был...

Полуниин не ответил, он лишь угрюмо, почти с ненавистью смотрел на Слатковского.

А тот, не обращая внимания на хозяина станции, устремился к старой машине.

– Он, точно он, – с непонятным для публики восторгом произнес Слатковский, осмотрев «Москвич». – Я его узнал, там на крышке бардачка несколько слов неразборчивых. Это дочь моя Рита, еще будучи маленькой девочкой, нацарапала, а я не углядел.

Он еще раз окинул взглядом машину и, облокотившись на нее, добавил:

– Но в каком хорошем состоянии он у тебя. Покрасил, отрихтовал и вообще намарафетил... Молодец! – Слатковский был очень доволен.

Его большие синие глаза смотрели на Полунина с хитрым прищуром:

– Похоже, что тебе очень дорога эта развалюха. Маленький экспонат твоего музея памяти. А ты, Володя, сентиментален. Надо же так погрязнуть в болоте воспоминаний.

Слатковский вдруг перестал улыбаться и, развернувшись, быстрым и решительным шагом направился к своему автомобилю. Перед тем как сесть в машину, он бросил на Полунина быстрый взгляд и произнес:

– Прощай, Владимир, жаль, что так все получилось. Вряд ли нам стоит еще встречаться. Будь здоров.

Он уселся в «Линкольн». Обе иномарки медленно выехали со двора.

Полунин проводил их задумчивым взглядом.

К стоящему недалеко от Полунина Славке подошел Шакирыч, одетый в засаленный рабочий халат. Засунув под мышку небольшой ломик, он достал из кармана халата папиросы.

– Что здесь за базары такие разводят? – спросил он у Болдина.

– Иваныч какого-то своего давнего кореша встретил, – ответил тот.

– Ну и что – душевно побеседовали?

– Я бы так не сказал, – ответил Славка.

Полунин медленно повернулся и направился к Рамазанову и Болдину. Взгляд его по-прежнему был задумчив, но лицо скорее растерянное.

– Кто это, Иванович? – спросил Славка. – У него тачки и охрана, как у министра или банкира.

– Он и есть банкир, – машинально ответил Полунин, посмотрев в сторону «Москвича».

– Солидный у тебя приятель, – произнес Шакирыч, выдувая из папиросы табачные крошки, – только ты что-то не очень рад этой встрече.

Слова Шакирыча нашли неожиданное подтверждение, удивившее тех, кто хорошо знал Полунина.

Владимир быстрым движением выхватил из-под мышки Шакирыча монтировку и бросился к старенькому автомобилю.

Подбежав к «Москвичу», Полунин размахнулся и со всей силы ударил по лобовому стеклу. Каленое стекло рассыпалось на мелкие крошки. Но Полунин продолжал наносить удары по капоту, фарам, крыльям машины.

Рамазанов и Болдин, пораженные, смотрели на эту сцену ярости своего начальника. Шакирыч, машинально засунув папиросу в рот, протянул пачку некурящему Славке. Тот, на дух не переносивший запах «Беломора», в ответ лишь отрицательно покачал головой.

– Жаль, – произнес наконец Шакирыч. – Мы ведь этот драндулет по запчастям восстанавливали.

– Я для него молдинги искал по всему городу, – вторил ему Славка.

– А рихтовки сколько было, – почти пропел горестно Шакирыч.

– Да, жаль тачку, ее хоть сейчас на выставку, – уныло произнес Славка.

– Сейчас уже вряд ли, – заключил Рамазанов.

Вспышка ярости, начавшаяся так внезапно, так же неожиданно и закончилась. Полунин остановился и отшвырнул монтировку.

– Сука, гнида, всю жизнь мне, паскуда, поломал и ничего об этом не помнит и знать не желает, – тихо проговорил он, словно разговаривая сам с собой.

Он развернулся и направился в сторону офиса. Шакирыч и Болдин молча и с опаской посторонились, пропуская своего шефа.

Однако в следующий момент случилась еще одна неожиданность, приведшая их в смятение.

Полунин, вдруг резко замедлив шаг, схватился руками за живот, согнувшись при этом пополам. Когда к нему подбежали Рамазанов и Славка, он уже упал на асфальт, стиснув зубы от нестерпимой боли.

– Иваныч, что с тобой?! – крикнул Славка, со страхом глядя на Полунина.

– Быстро заводи машину! – заорал на Болдина не менее его перепуганный Шакирыч. – Надо сейчас же везти его в больницу...

* * *

Полунин постучал костяшками пальцев по крашеной белой краской двери кабинета, на которой висела табличка с надписью «Хирург».

Услышав разрешительное «войдите», произнесенное мягким мужским голосом, он открыл дверь и переступил порог. За столом сидел худощавый пожилой мужчина в белом, чуть великоватом ему халате.

– Простите, как ваша фамилия? – спросил хирург, когда Полунин уселся на стул перед ним.

– Полунин.

Хирург водрузил маленькие очки в золотой оправе на свой тонкий носик и принялся рыться в папках на столе.

– Так, так, так, – произнес доктор, вытащив одну из папок, – Полунин Владимир Иванович.

– Это я. Не тяните доктор, говорите, что там со мной приключилось.

– Ну что же, батенька, давайте посмотрим, что там у вас обнаружили. Информацию об обследовании, которое вы проходили в нашем медицинском центре, принесли мне только сегодня, – хирург раскрыл папку и углубился в чтение медицинских карточек и просмотр фотографий.

– Так, так, так, – снова произнес доктор, но уже задумчивым голосом. Он оторвался от изучения медицинских материалов и добавил:

– Ну что же, ложитесь на кушетку, я буду пальпировать ваш живот.

– Неужели всех этих материалов вам недостаточно? – недовольно спросил Полунин, кивнув на папку.

Он снял и повесил на стул кожаную куртку, расстегнул рубашку и лег на стоящую у стены кушетку.

Хирург присел рядом на край кушетки и, едва дотронувшись пальцами до живота пациента, произнес ровным, спокойным голосом:

– Владимир Иванович, вам необходима операция, у вас обнаружена опухоль в кишечнике.

Полунин рывком поднялся и сел рядом с доктором.

– Я не барышня, – произнес он, – совсем не обязательно меня было класть на кушетку, чтобы сообщить эту информацию.

Пожилой хирург развел руками.

– Простите – привычка с молодости. Еще в начале своей врачебной практики я сообщил одному юноше, что ему предстоит операция на селезенке. Бедняга так расчувствовался, что

упал со стула. Обморок с ним приключился. И представляете – сломал себе руку. Так и пошел на операционный стол в гипсе. После операции его уже через две недели из больницы выпи-сали, а гипс все еще был на руке.

– Спасибо за заботу, доктор, но в моем случае это лишнее, – произнес Полунин. – Меня в жизни не часто щадили, и я к этому привык. Я хочу знать всю правду. Скажите мне честно – у меня рак?

Доктор не ответил, он молча писал что-то на листке бумаги. Закончив, он протянул листок Владимиру.

– Вот возьмите, это направление на стационар в областную клиническую больницу. Они специализируются на подобных операциях. Чем скорее вы туда ляжете, тем лучше будет для вас. Опухоль значительная и, по всей вероятности, прогрессирующая. Боли, по вашим же словам, у вас усилились за последнее время.

– Вы мне не ответили, – продолжал настаивать на своем вопросе Полунин. – У меня... рак?

– Этого я вам сказать не могу, – ответил врач. – Из-за характерного изгиба восходящей кишки контоскопия не дала необходимого результата, поэтому биопсия не была произведена...

– Хватит, доктор, мне мозги пудрить медицинскими терминами, в которых я все равно ничего не понимаю, – оборвал Владимир речь доктора. – Я задал конкретный вопрос и прошу вас ответить мне как мужчина мужчине.

Хирург тяжело вздохнул и, посмотрев на Полунина поверх своих очков, сказал:

– Идите, батенька, в стационар, там вам все скажут. Раскроют животик, посмотрят. Если необходимо, то удалят, что нужно. Сделают биопсию, назначат лечение... если необходимо.

Он прервался и, вздохнув, снова подытожил:

– Словом, ложитесь на операцию, и чем скорее, тем больше у вас шансов выжить... Больше я вам ничего, к сожалению, не могу сказать.

* * *

Он медленно вышел из здания медицинского центра и направился к машине. Усевшись за руль и закурив, Полунин с тоской подумал:

«Доктор явно недоговаривал, но и так все ясно – мои дни на этом свете сочтены. Похоже, все, что мне осталось в жизни – это операция, последующая тяжелая борьба с болезнью и, наконец, мучительная смерть от расплзающихся по телу метастазов...»

Это показалось ему странным, но он думал об этом как-то отстраненно. Было лишь ощущение какого-то вязкого и дремучего отчаяния, разлившегося в его душе.

Полунин тяжело и порывисто вздохнул, пытаясь унять дрожь, охватившую его тело.

«Да и жил ли я вообще? Можно ли все то, что происходило со мной последние десять лет, назвать жизнью? Я все время боролся. Сначала за то, чтобы просто выжить, а потом за то, чтобы сделать свою жизнь нормальной, как я ее понимал. Как и многие, я стремился обезопасить и обеспечить свою семью, достичь определенного положения в обществе... И вот как только я, казалось бы, достиг почти всего того, чего хотел достичь, судьба, словно посмеявшись надо мной, снова лишает меня всего. На этот раз безвозвратно...»

На Полунина вдруг налетела такая вспышка ярости, что он что есть силы врезал кулаком по рулю машины, от чего зазвенел и задрожал мелкой дрожью не только руль, но и вся панель управления автомобиля.

– Черт! Суки позорные, что же они со мной сделали! – выругался он. – Тридцать три года! Мне только тридцать три! Многие мужики в этом возрасте только жить начинают. А я должен сдохнуть от рака. В то время как эти козлы, из-за которых я потерял здоровье, будут

продолжать радоваться жизни, как делали это все время, пока я гнил в лагерях, а затем пытался выкарабкаться из той жизненной ямы, в которую они меня столкнули.

Ярость, охватившая Полунина, так же неожиданно испарилась, трансформировавшись в тихую жгучую ненависть Владимира к своим обидчикам.

И у него созрело решение, которое он счел для себя справедливым и единственно правильным.

– Нет, уроды, – сквозь зубы медленно проговорил Владимир, – так просто я не уйду. Я вам устрою прощальную гастроль, от которой вас всех в озноб бросит. Всю свою оставшуюся жизнь вы будете бояться даже своих воспоминаний обо мне.

Полунин завел двигатель машины и на огромной скорости рванул ее с места с таким свистом пробуксовывающих колес, что ближайшие прохожие в страхе оглянулись.

– Вот ненормальный-то понесся, будто ему жизнь совсем не дорога, – вымолвила какая-то бабулька вслед удаляющейся иномарке.

* * *

– Да ты с ума сошел, – произнес Шакирыч, – зачем тебе это надо? Тебе лечиться необходимо, у тебя дел полно.

Рамазанов поднялся с кресла, в котором сидел, и нервно заходил по домашнему кабинету Полунина.

– Ну скажи, чего тебе не хватает? Ты еще молодой мужик, у тебя все есть. Деньги, процветающий бизнес, у тебя молодая жена, сын растет.

Сидевший рядом с Полуниним на диване Славка удивленно переводил взгляд с Шакирыча на Полунина, который тоже молчал, куря сигарету и стряхивая пепел в пепельницу, стоящую рядом с ним на диване.

– Так чего еще тебе не хватает? – повторил вопрос Шакирыч, остановившись перед Полуниним.

Владимир медленно поднял глаза на Рамазанова и сказал:

– Покоя, Эльдар, покоя.

– Какого еще покоя? – удивился Рамазанов.

– Покоя в душе, – пояснил Полунин. – Мне, может быть, жить-то осталось считанные недели. Я боюсь только одного, что, когда я буду умирать, перед моими глазами будут стоять насмехающиеся рожи этих козлов, которые поломали мне всю жизнь.

Полунин решительным жестом загасил окурок и твердым голосом произнес:

– Так вот, Эльдар, я хочу поменять выражения на этих рожах! Пусть на них будут видны лишь страх и уныние.

Полунин вынул из кармана рубашки пачку сигарет и снова прикурил, после чего добавил:

– И я хочу, чтобы вы мне помогли в этом... Разумеется, не безвозмездно. Моя доля в нашем общаке будет вашей.

Славка перестал грызть орешки, уставившись взглядом на Шакирыча. Тот молчал несколько секунд, напряженно вглядываясь в лицо Полунина.

– Ты так хочешь их достать, что готов пожертвовать своей долей общака, своим страховым фондом, – наконец с удивлением в голосе произнес Шакирыч.

– Ты же сам сказал, что я не бедный человек, – усмехнулся Полунин. – Останется кое-что на черный день.

Шакирыч снова заходил по комнате, но уже не столь раздраженно, как раньше.

– Но послушай, эти же деньги ты можешь потратить, чтобы уехать за границу и пройти курс лечения там. На твоём месте я бы там и остался. Ты молодой, предприимчивый, поэтому и там устроишь свою жизнь, деньги на раскрутку у тебя есть.

В ответ Полуниин лишь улыбнулся:

– Нет, Шакирыч, такие, как я, за бугром не нужны, бывших уголовников и там хватает. Здесь я родился, здесь мои предки похоронены, вся жизнь здесь прошла, здесь я и умру. В конце концов, здесь меня и посадили. Я, Шакирыч, хоть и вор, но я русский вор.

Рамазанов перестал ходить и снова сел в кресло. Его широкое угрюмое лицо было задумчивым.

– И все же я тебя не понимаю, – тихо произнес Шакирыч.

Вдруг Полуниин взорвался. В порыве ярости он швырнул на пол пепельницу, стоявшую возле его руки на диване, и заорал на Шакирыча:

– Чего ты не понимаешь! Чего! У меня нашли рак и, по всей видимости, весьма запущенный. Неужели так сложно понять, что я не хочу сдохнуть, не отомстив за себя? Это мое последнее дело. Я пойду на него в любом случае, независимо от того, согласитесь вы мне помочь или нет. Не согласитесь вы, найму других. Отговаривать меня бесполезно, я все уже решил!

Выговорившись, Полуниин сел на диван. Воцарилась тягостная тишина. Нарушил ее Болдин:

– Не горячись, Иваныч, лично я согласен помочь тебе. Ты для меня немало сделал, я тебе многим обязан... Только объясни мне, почему ты сам хочешь ехать в этот свой Тарасов, ведь можно же кого-то нанять. Обратись к Самбисту, я уверен, он тебе не откажет. Найдет пару ребятишек, ты купишь им «волыны» и отправишь этих стрелков в командировку. Киллеры-профессионалы сработают лучше нас.

Полуниин медленно перевел взгляд на Болдина.

– Я, Славик, не живодер. Мокрушником никогда не был и не буду, – ответил Полуниин. – Пусть этой херней занимаются бритоголовые братки Антона. Это они, насмотревшись американских фильмов, чуть что за пушку хватаются и думают, что крутые. Русский вор в первую очередь действует умом, а не силой. К тому же жизнь человеку дает только бог и не мне решать, отнимать ее или нет. Я могу лишь поуродовать ее им, как они, каждый в свое время, покалечили мою.

После этих слов Полунина у Болдина на душе полегчало. Когда в самом начале разговора Владимир сказал, что опасно болеть, он, сразу же отменяя все вопросы о своем здоровье, сообщил, что не намерен ложиться в больницу.

– Я уезжаю в Тарасов, – сказал он им. – Прежде чем лечь на операцию, итог которой лично для меня абсолютно ясен, мне необходимо сделать несколько дел... Раздать старые долги десятилетней давности. И я хочу, чтобы вы мне в этом помогли.

Никакие увещания Шакирыча, что глупо в данной ситуации заниматься подобными делами, что надо прежде всего позаботиться о здоровье, на Полунина не действовали.

Он твердо стоял на своем:

– После операции у меня такой возможности уже точно не будет.

С того момента, как Полуниин упомянул о «старых долгах», Болдин не сомневался, что речь идет о физическом устранении врагов Полунина. Участвовать в подобных акциях Славке почему-то не хотелось. По натуре он был, безусловно, авантюрист, но все же не убийца.

Но авторитет Полунина был столь высок, что Славка не мог отказаться, и поэтому, когда узнал, что речь об убийствах не идет, у него с души свалился груз тяжкий.

Однако последняя фраза Шакирыча, мужика всегда умеренного, осторожного и отнюдь не кровожадного, удивила Болдина.

– Я тоже согласен помочь тебе, Володя, – произнес Шакирыч после недолгих раздумий, – но для всех нас было бы лучше, если бы всех твоих врагов просто замочили... Впрочем, отговаривать тебя я не стану, ты уже все решил, а значит, это бесполезно.

Полуниин, выслушав Рамазанова, никак не отозвался на это заявление, он лишь спросил, есть ли еще какие вопросы.

– Когда выезжаем? – спросил Болдин.

– Завтра в ночь.

Неожиданно дверь, ведущая в кабинет, скрипнула, на пороге появилась жена Полунина. Увлечшись разговором, Владимир не услышал, как она вернулась домой, приведя из детсада маленького Антошку.

– Здравствуйте, ребята, – сказала Анна.

– Ты давно пришла? – спросил Полунин.

– Только что, – быстро ответила она и добавила: – Что же вы здесь сидите, пойдете на кухню, угощу вас чаем. Я сегодня пирожков с мясом напекла.

Шакирыч, слегка засуетившись, ответил:

– Нет-нет, нам пора, мы и так уже засиделись.

– Да, нам пора, – подхватил тут же Болдин, вскакивая с дивана. – К тому же Шакирыч стал вегетарианцем и ест только пирожки с капустой.

– Заткнись, балабол, – сурово посмотрел на Болдина Шакирыч, – и выметайся отсюда побыстрее. У нас с тобой сегодня еще полно дел.

– До завтра, – попрощался с друзьями Полунин, проводив их до дверей квартиры.

Когда он вернулся в комнату, Анна по-прежнему находилась там.

– Что-нибудь случилось? – спросила она у мужа, заглядывая ему в глаза.

– Ты слышала наш разговор? – спросил ее Полунин.

– Частично, – ответила Анна, – из разговора я поняла, что ты уезжаешь. Могу я узнать, куда именно?

– В Тарасов, – ответил Полунин. – У меня там есть дела.

– А как же твоя операция? С язвой желудка не шутят.

Полунин с облегчением вздохнул. Он соврал жене, сказав, что у него обычная язва желудка.

– Операция подождет, – ответил Владимир. – Дела важнее.

– Насколько важнее? – Голос Анны вдруг стал холодным и твердым. – Настолько, что ты готов наплевать на свое здоровье, оставить все свои дела, бросить нас с Антошкой на произвол судьбы и умчаться в город, в котором не был черт знает сколько лет, только для того, чтобы свести счеты со своими обидчиками?

Теперь Полунин понял, что Анна знает все, о чем он говорил с Рамазановым и Болдиным.

Он подошел к ней и попытался обнять за плечи, но она отстранилась от него, окинув холодным взглядом. Владимир поразился перемене, произошедшей с его женой, обычно такой мягкой и покладистой.

– За все время, пока мы жили с тобой, я не пыталась тебя в чем-либо переубедить и никогда ни о чем тебя не просила. Поскольку всегда знала, что если ты принял решение, то от него не отступишься. Единственное, что мне оставалось, это верить в твое благоразумие, в котором я никогда не сомневалась. И еще у меня всегда была возможность хотя бы косвенно повлиять на твои решения, напомнив тебе лишний раз о том, что ты не одинок в этом мире и тебе есть чем рисковать. Я была уверена, что ты, помня об этом, не будешь вести себя опрометчиво и подвергать опасности свою жизнь.

Анна сделала паузу и, переведя дыхание, продолжила:

– Но сейчас прошу тебя, слышишь, прошу, отказаться от этой затеи. Я еще не знаю, почему, но чувствую, что ты принял неправильное решение. Ты можешь погубить себя и сделать несчастными нас.

Полунин молча слушал свою супругу. Такой свою жену он не видел никогда. В этот момент ему казалось, что все эти годы он прожил совсем с другим человеком. Он вдруг понял, что всегда недооценивал Анну. На самом деле она как человек оказалась гораздо глубже и

мудрее, чем он думал, что было особенно удивительно для еще очень молодой двадцатичетырехлетней женщины.

Несколько секунд они молчали. Он – обдумывая сказанное ею, она – ожидая его решения. Наконец он произнес:

– Не волнуйся, все будет нормально, я скоро приеду, и все будет как и прежде.

Анна молча покачала головой.

– Нет, – медленно произнесла она, – как прежде уже ничего не будет.

Она поняла, что не смогла переубедить мужа.

...Все оставшееся время до отъезда Полунина практически не разговаривал с женой. Анна сохраняла видимое спокойствие и отстраненность. Она, как и в прежние отлучки мужа, собрала все необходимое для дороги.

Вечером следующего дня Шакирыч и Болдин подъехали на «БМВ» к дому Полунина. Владимир быстро попрощался с женой и сыном и вышел из квартиры.

Когда машина уже готова была нырнуть в арку и выплыть на улицу, Полунин обернулся, бросив взгляд на горящие окна своей квартиры. Он не увидел в них никого.

В этот момент у Полунина возникло чувство, что он никогда уже сюда не вернется.

Вскоре машина вырвалась за черту города и, набирая скорость, помчалась по загородной трассе, пронзая темноту светом дальних фар.

В салоне было тепло и уютно. Он задремал.

Несмотря на все мрачные обстоятельства своего отъезда, у Полунина на душе было спокойно. Все же он возвращался в свой родной город, в те самые места, где он родился, где прошла его юность. Возвращался в город, в который стремился все последние годы, боясь сознаться в этом желании даже самому себе.

Глава третья

Семья Полуниных жила в одном из самых старых районов города Тарасова. Этот район в народе называли Борисов овраг. Несмотря на то, что находился он недалеко от центра города, застроен был в основном одно- и двухэтажными кирпичными домами.

В одной из таких кирпичных двухэтажек, выстроенной по периметру небольшого двора на улице Неглинской, и жил некогда Владимир Полунин с матерью и отцом. Родители Владимира работали в железнодорожном депо города. Отец – машинистом, мать – бухгалтером.

И отец Владимира, Иван Сергеевич Полунин, и мать, Ольга Владимировна, не были местными жителями. Они приехали в Тарасов из другого города. Здесь отцу от железнодорожного депо дали квартиру в старом жилом фонде, где и родился Владимир.

Первая трагедия в семье Полуниных наступила, когда Володе было десять лет. В железнодорожной аварии погиб его отец. Ошибка стрелочника привела к тому, что тепловоз, которым управлял отец Полунина, слетел с рельсов и врезался в придорожное строение.

Мать так и не вышла больше замуж. Потеря мужа тяжело сказалась на ее здоровье, она долго болела, пережив несколько инсультов. С тех пор здоровье матери было одной из главных забот в жизни Владимира.

Оставшись без отца, Владимир тем не менее не попал ни в какие дурные компании, как это часто случалось с другими его сверстниками, жителями района, который был отнюдь не благополучным. Он всегда хорошо учился.

Во дворе его уважали – и потому, что он был одним из старших парней, и потому, что с двенадцати лет занимался в разных спортивных секциях, деля свои пристрастия между футболом и боксом. Последнему он все же отдавал предпочтение.

В армию Владимир попал после того, как не прошел по конкурсу на исторический факультет Тарасовского университета.

Именно звание кандидата в мастера спорта по боксу, а также неплохие показатели в учебе помогли ему оказаться в частях морской пехоты Северного флота.

Дом на Неглинской отчасти напоминал одну большую коммуны. Семей здесь жило около десятка, некоторые из них ютились в коммуналках. Все они прекрасно знали друг друга.

Нередко в летние месяцы во дворе накрывался стол, что случалось как по поводу радостному – свадьба, день рождения, юбилей, так и по грустному – поминки.

Собрались люди и для того, чтобы отпраздновать возвращение Владимира из армии. Веселье проходило в маленькой двухкомнатной квартире Полуниных.

Именно здесь Владимир впервые «разглядел» Риту Слатковскую. Они, конечно же, общались и раньше. Семья Слатковских переехала в дом на Неглинской за пять лет до того, как Владимира забрали в армию.

Со своей подружкой Танькой Коробковой она не раз оказывалась в компании, где бывал и Владимир. За год до его призыва у них даже сложился небольшой дружеский круг, в который входили Маргарита, Татьяна, Владимир и его друг, живший в соседнем доме, Алексей Каширин.

Эта неразлучная четверка не раз посещала молодежные тусовки, дискотеки, они вместе отдыхали на Волге. Обоим – и Владимиру, и Лехе – больше нравилась светловолосая, крепко сбитая, бойкая на язык и шустрая Танька. И хотя их соперничество в открытую не проявлялось, в душе они все же конкурировали, стараясь во время совместных прогулок и веселья занять место возле нее.

В противоположность Коробковой, темноволосая стройная Рита Слатковская была не столь многословна и несколько застенчива. Леха был более шустрый паренек, чем Володя,

гораздо чаще успевал при совместных гуляниях подхватить Таньку под руку. Как правило, именно он всегда заходил за Татьяной домой, когда они собирались вместе пойти куда-нибудь.

Владимиру же ничего другого не оставалось, как гулять с Ритой. Впрочем, он не жаловался. Несмотря на свою внешнюю скромность, Рита была приятной собеседницей, тонкой и ироничной.

Никто из четверки не строил никаких планов в отношении друг друга. Владимиру после неудавшейся попытки поступить в университет предстояло пройти службу в армии. Он был самый старший в компании. Девушки и Леха Каширин были моложе его на два года, после школы они собирались поступать в различные вузы.

Владимир устроился шофером на автобазу, где и проработал до самого призыва в армию. Когда же он вернулся, то вместе с друзьями снова стал поступать в высшее учебное заведение.

Владимир больше не рисковал соваться на исторический факультет и подал документы в экономический институт, куда и был принят. К такому выбору подтолкнула его мать, сама экономист по образованию.

Каширин, с детства хорошо рисовавший, поступил в институт культуры. Рита стала студенткой университета, сдав экзамены на филологический факультет. Танька провалила экзамен в политехнический институт. Не особенно переживая, она махнула рукой на высшее образование и перевела документы в техникум работников бытового обслуживания.

Поздравить Полунина с возвращением из армии пришел весь двор. Маленькая квартира с трудом выдерживала такое количество гостей.

Одними из самых первых пришли Алексей, Татьяна и Маргарита. Первые двое не сильно изменились за те два года, что их не видел Владимир, однако Рита его поразила. Она уже не была той застенчивой девочкой, какой запомнилась ему до службы в армии.

Это была красивая девушка, уверенная в себе, хотя по-прежнему держащаяся скромно. Она была одета в элегантный и явно дорогой модный костюм бежевого цвета, волосы, собранные обычно в пучок, были распущены.

В этот день пришел поздравить Полунина и Александр Григорьевич Слатковский. Отец Риты был самым состоятельным и преуспевающим из всех соседей Полуниных.

Александр Григорьевич работал в областном издательском комбинате, занимая должность главного технолога. Семья Слатковских владела самой большой квартирой, которая была аж трехкомнатной. На работу отец Риты ездил на машине, «Москвиче-408». К тому же Александр Григорьевич обладал кое-какими связями. Ходили слухи, что его родственник работает в местном обкоме партии.

В тот вечер между Слатковским и Полуниным состоялся разговор, который оказал влияние на судьбу Полунина.

– Ну что, морпех, – произнес Слатковский, отведя Владимира в коридор, где не было гостей, – пора возвращаться к мирной жизни. Какие у тебя планы на этот счет?

Владимир пожал плечами и ответил:

– В институт собираюсь поступать.

– В какой? – спросил Слатковский.

– Мать настаивает на экономическом. На истфак трудно пробиться, слишком большой конкурс.

– Да, – согласился Слатковский, – многие партийные работники начинали свою карьеру, закончив истфак. Но ничего, профессия экономиста тоже полезна. Ну а как семью содержать собираешься?

– Подрабатывать буду, – ответил Полунин, – плюс стипендия. Летом стройотряды, там, говорят, неплохо можно заработать.

– Молодец, – похвалил Слатковский. – Ты всегда был самостоятельным парнем. Стипендия – это, конечно, хорошо, ну а насчет подработки можешь обращаться ко мне. Мне иногда

бывают нужны толковые парни вроде тебя. Кроме того, ты профессиональный водитель, это тоже может сгодиться.

– Спасибо, Александр Григорьевич.

– Не за что, – ответил Слатковский, – я же тебе не милостыню предлагаю, а работу. Ну а пока давай веселись, сегодня твой день.

К вечеру в доме осталась праздновать одна молодежь, веселившаяся и танцевавшая до утра. Полуниин старался как можно чаще танцевать с Ритой.

Коробковой было немного грустно от того, что Володька почти не замечает ее после двухгодичной разлуки, все его внимание – Рите...

С этого дня отношения Владимира и Риты развивались медленно, но неуклонно.

Потянулись месяцы учебы. Компания из четырех человек продолжала встречаться.

Правда, на праздные забавы времени у Полунина оставалось не так много. Семье жилось трудно, ему надо было зарабатывать.

В первый год учебы он подрабатывал грузчиком на товарной базе. По ночам он разгружал вагоны с товарами. Работа была тяжелая, а ведь утром надо было идти на занятия в институт.

Владимир стал бывать у Слатковских. Однажды отец Риты напомнил ему о своем давнем предложении сотрудничества. Слатковскому, главному технологу издательства, нужен был расторопный помощник. Им и стал Полуниин.

Он помогал механикам налаживать работу печатных станков, иногда в периоды запарки работал и печатником, следил за поступлением бумаги на комбинат.

Выполнял он и банальную работу шофера Слатковского, возя его на деловые встречи и на работу. Персональной машины Александру Григорьевичу не полагалось, и для этих целей использовался его личный «Москвич».

Работа в издательстве нравилась Владимиру. Он даже мечтал после окончания института распределиться именно туда. Поэтому он через год летом снова вернулся на комбинат. Работал он и во время учебы, чаще всего это случалось по ночам.

Именно работая в ночную смену, Полуниин через два года своего пребывания на комбинате стал замечать, что заказы, которые он с печатником выполнял, стали отличаться от других, делаемых в дневное время.

Как правило, кроме него и печатника Житкова, в цеху никогда никого больше не бывало. Напечатанную продукцию они отвозили на тележках не на общий, а на небольшой склад, расположенный в отдаленной части типографии.

Когда Полуниин поделился своим открытием со Слатковским, тот сказал:

– Володя, ты уже взрослый человек. Видишь, как многие живут. У них не только заработок есть, но и приработок. Слесарь не только с государства деньги получает за то, что тебе унитаз установит, но он и с тебя три рубля попросит. Это его приработок... Вот и у нас есть свой небольшой приработок. На одну зарплату ты здесь не протянешь и семью не прокормишь. А она ведь станет больше... Чтобы твоя мать, жена и дети жили в достатке, тебе надо много зарабатывать. Вот в этом я тебе и помогаю.

Слатковский действительно неплохо платил Полунину. Иногда он добавлял ему премиальные из своего кармана. Но еще больше Владимира радовало то, что Слатковский считает его союз с Ритой делом решенным.

Так тогда казалось Владимиру. Но вскоре он узнал от Риты, что на самом деле Слатковский категорически против их брака до того момента, пока они не окончат свои вузы и не устроятся на работу.

Владимир понял, что Слатковский таким образом давал ему понять, что существующее положение дел его устраивает, и большего он ему пока не обещает. Рита уважала своего отца и находилась под его сильным влиянием.

Но все же это не обескуражило Полунина. Жизнь продолжалась, Рита так или иначе была рядом с ним, против их отношений ее отец ничего не имел, материальное благополучие семьи Владимира постепенно улучшалось.

Возможно, желая несколько загладить свой жесткий родительский отказ, Слатковский предложил Полунину купить у него старенький «Москвич», при этом он предложил рассрочку и весьма умеренную цену.

Владимир, с детства мечтавший о своей машине, был по-настоящему счастлив.

Отработать долг Полунин согласился на подвернувшейся халтурке по нелегальному печатанию церковной литературы.

Полунин был в общем доволен жизнью, ему казалось, так будет всегда, но наступило шестнадцатое сентября тысяча девятьсот восемьдесят шестого года...

* * *

Уже много лет спустя, находясь совсем в другом городе, маясь в ночные часы от бессонницы и болей в желудке, куря в одиночестве на кухне, Полунин вспоминал этот день и каждый раз приходил к выводу, что это был один из самых счастливых и одновременно один из самых тяжелых дней в его жизни.

В этот день стояла удивительно теплая, а для сентября даже жаркая погода. Начался новый учебный год, и Владимир с Ритой решили отметить это, устроив за городом пикник на двоих, на который он собрался выехать уже на собственном «Москвиче».

Именно в этот день Владимир решил сделать Рите предложение. Он надеялся убедить ее выйти за него, несмотря на прохладное отношение к этому браку Слатковского, который продолжал внушать Рите, что сначала нужно закончить институт и определиться с работой.

Если бы Рита согласилась, Полунин собирался перевестись на заочное отделение института и уже окончательно пойти работать, чтобы семья не знала нужды.

* * *

С утра Владимир помыл машину и отправился на местный базарчик за продуктами к пикнику.

Он около получаса толкался по торговым рядам, закупив мясо для шашлыка, долго выбирал фрукты и овощи.

Вдруг по рынку пронесся звучный вопль, напоминающий распевку оперного певца.

Голос, прорезавший базарный шум, был очень высокий и сочный.

Владимир оглянулся и увидел невысокого худого мужчину, одетого очень неаккуратно. Мужчина стоял у входа в крытый павильон, расположенный в центре рынка.

Мутный и отстраненный взгляд этого человека был устремлен куда-то ввысь. Он набрал в легкие воздуха, опустив при этом подбородок на впалую грудь, и еще раз огласил окрестности громким воплем.

– Ми-и-и-и...

– Вот ведь каждый день здесь концерты устраивает, – поежившись, произнесла торговка баба Тося, – а я все никак привыкнуть не могу. И что самое интересное, голосит этот чокнутый в одно и то же время – в десять часов. Прямо как кукушка в часах.

Владимир спохватился и посмотрел на часы. Было действительно десять, ему надо было спешить. Он прикупил в местном магазинчике бутылку вина и сел в машину.

...Рита появилась во дворе с некоторым опозданием, на ней были светлая юбка и блузка, на плечи она накинула теплый розовый свитер. В этот день она показалась ему особенно красивой и привлекательной.

В машине, скосив взгляд на корзину с продуктами, она спросила:

– А зачем ты купил бутылку вина? Ты же за рулем.

– Сегодня особый день, – сказал Владимир, заводя машину.

– Ты полагаешь? – удивленно повела бровью Рита, улыбнувшись при этом. – В чем же его особенность? Ты меня интригуешь.

– Не спеши, радость моя, сначала нам надо вырваться на лоно природы. Там, на фоне увядающего лета, мы поговорим о нашей с вами будущей весне.

– Ах, как это поэтично, – ответила Рита. – Я вся в нетерпении.

Через час Владимир остановил машину на небольшой полянке вдалеке от города, вокруг которой буйствовал яркими красками осенний лес.

Еще через час они уже ели шашлык, запивая его вином.

Все это время Рита много болтала и весело смеялась, но внутренне Полунин чувствовал, что она ждет от него, что он наконец скажет то, о чем обмолвился в начале их поездки.

Владимир был почти уверен в том, что она догадывается, о чем пойдет речь.

Наконец он, разлив вино по пластмассовым стаканчикам, собрался с духом и произнес:

– Рита, я хочу поднять тост за наше... наше... – он вдруг смешался. – В общем, я хочу, чтобы... это...

– Речь, конечно, очень изысканна, но нельзя ли ее чуть конкретизировать? – улыбнулась Рита.

– Просто я очень волнуюсь и хочу... хочу, чтобы ты стала моей женой. Мне кажется, что мы вполне созрели для таких именно отношений. А все остальное ерунда, все остальные проблемы мы решим, если будем вместе. Или ты так не считаешь? – с тревогой спросил Володя.

Неожиданно для Полунина Рита засмеялась.

– Ну наконец-то сформулировал, бедолага, – сквозь смех сказала она, – тяжело же тебе это далось.

Владимир насупился, решив, что она не восприняла всерьез его слова.

– Вообще-то я первый раз в жизни предложение делаю, – ответил он, – не натренировался еще... Так ты, значит, не согласна?

Рита перестала смеяться и серьезно, хотя и с улыбкой на лице, ответила:

– Отчего же, я как раз думаю, что ты прав. Я уверена, что из тебя получится отличный муж.

В следующий момент Владимир в порыве радости обнял Риту и поцеловал ее в губы. Они и раньше не раз целовались, но Рита всегда держала Владимира в рамках.

Вот и сейчас, как только он положил ее на спину и расстегнул верхнюю пуговичку ее блузки, она твердо уперлась руками ему в грудь.

Это не охладило его закипевшую страсть. Он продолжал ласкать ее нежно и настойчиво. Коснулся губами мочки уха, затем осторожно поцеловал шею, снова впился поцелуем в ее мягкие пухлые губы и наконец осторожно дотронулся руками до ее набухших грудей, слегка сжав их.

Рита, не в силах больше сдерживать эту муку сладострастия, тихонько застонала. Владимир почувствовал, что руки ее ослабли.

Он воспринял это как разрешительный знак с ее стороны, после чего его уже ничто не могло остановить...

* * *

Вечером этого дня, счастливые, они возвращались домой, не зная, что их ожидают там плохие известия.

Когда Владимир свернул на улицу Неглинскую и уже собирался заехать в свой двор, он увидел, как ему навстречу вышла соседка Антонида Андреевна, та, что торгует на рынке. Она махнула ему рукой.

Владимир притормозил машину, высунулся из окна и, улыбнувшись, спросил:

– Чего тебе, баб Тось? Может, на рынок за семечками сгонять?

– Беда, Вова, беда, – тихо произнесла баба Тося, подходя к машине.

– Что случилось? – спросил Володя, про себя подумав о матери. – Что-нибудь с мамой?

– Нет, Вова, тебя в доме милиция поджидает.

Баба Тося посмотрела на сидящую рядом с Полуниным Риту и добавила:

– К Александру Григорьевичу тоже милиция пришла.

Услышав эти слова, Маргарита побледнела и тихо произнесла:

– Какой ужас!

Пока Владимир лихорадочно обдумывал, что ему предпринять, он вдруг заметил, как припаркованный на другой стороне «уазик» тронулся с места и, проехав несколько метров, остановился у «Москвича» Полунина. Из «уазика» быстро выскочили трое мужчин в штатском. Подбежав к машине, первый из них крикнул:

– Милиция, – после чего рывком открыл дверь «Москвича».

Второй милиционер схватил Полунина и потащил из машины, ему на помощь пришел третий. Вдвоем они выкрутили растерянному и не сопротивляющемуся Владимиру руки и надели на них наручники.

– Гражданин Полунин, мы из ОБХСС, вы арестованы по подозрению в крупных хищениях государственной собственности.

– Да вы что, охерели совсем? Зачем наручники нацепили? Я же никуда не убегаю и не сопротивляюсь. Люди ведь на нас смотрят.

– Извини, парень, – произнес один из милиционеров, – работа у нас такая. Вдруг ты на машине куда-нибудь чесанешь сейчас, тогда нам будет тяжелее тебя поймать.

– А вы, девушка, насколько я понимаю, Маргарита Александровна Слатковская, – произнес старший милиционер. – Вы нам тоже нужны. Выйдите из машины, и пройдемте в вашу квартиру. Там у вас сейчас производится обыск.

– А этого куда? – спросил старшего милиционера его коллега.

– Этого везите сразу в отдел. Обыск у него мы уже произвели.

Владимира запихнули в «уазик» и доставили в отделение милиции. Всю ночь он провел в камере предварительного заключения.

На следующий день следователь прокуратуры Гришаев объявил ему, что он проходит одним из подозреваемых по делу так называемых «печатников». Дело, которое поначалу возбудило местное управление Комитета государственной безопасности.

Уже много позже он узнал, что один из дьяконов местной епархии, для которой Слатковский и Полунин печатали православную литературу, являлся многолетним стукачом КГБ.

Именно комитетчики совместно с городским ОБХСС раскрутили это дело. Возможно, именно то, что в деле участвовало КГБ, а также то, что дело получило широкий резонанс в местной прессе, не позволило Слатковскому полностью замять его. Необходимо было найти «козла отпущения», которого строго накажут за содеянное. Таково было твердое решение городского комитета КПСС.

Расследование дела продолжалось чуть больше месяца и закончилось полным признанием Полуниным своей вины как организатора преступной группы, занимающейся незаконным хищением государственной собственности.

Накануне вынесения приговора адвокат Владимира Евневич заверил его в том, что его отпустят из-под стражи уже из зала суда. Евневич сказал, что накануне имел беседу с судьей Капновым и тот намеками якобы подтвердил свое намерение вынести именно такой приговор.

Решение судьи Капнова, по которому он получил пять лет, стало для Полунина шоком. Когда судья кончил читать приговор, Владимир был настолько ошарашен, что не мог произнести ни слова. Его быстро вывели из зала суда и посадили в «воронок».

На следующий день адвокат Евневич сбивчиво и бессвязно бормотал, что произошла ужасная ошибка и он делает все, чтобы ее исправить как можно скорее.

– В крайнем случае мы напишем кассацию, – заверил он Владимира.

Но Полунин уже не верил ни во что, он понял, что его предали.

И убедило его в этом прежде всего то, что на суде не было Маргариты и самого Слатковского. Владимир знал, что адвокат врет, говоря, что судья что-то не понял. Никакой ошибки не было! Судья вынес то решение, которое и собирался вынести.

И Слатковский, и Маргарита знали о приговоре и поэтому, видимо, и не явились на заключительное заседание суда. Маргарита пожертвовала им, чтобы выгородить отца...

* * *

Обида, вызванная предательством любимой женщины, и ненависть к Слатковскому, обманувшему его, бушевали в душе Владимира. Не найдя выхода, все это тяжелым грузом легло на его сознание, вызвало сильную апатию к жизни.

Возможно, именно это помогло ему спокойно пережить транспортировку к месту заключения, холодные, неотапливаемые вагоны, переполненные людьми пересыльные пункты, кишачище клопами и вшами, где заключенные спали на полу, в духоте и смраде, источаемом парашами.

Через десять дней автобус с заключенными остановился у ворот лагерной зоны. Слушая скрип закрывающихся за его спиной лагерных ворот, Владимир подумал, что жизнь его окончена. Впереди на долгие годы он ожидал увидеть лишь страдания и безысходность. И первые шаги по лагерной земле заставили его еще раз прийти к такому заключению.

Полунин не спеша вышел из автобуса, привезшего группу заключенных в зону, и, остановившись, медленно, с тоской огляделся по сторонам. Все здесь показалось ему угнетающе враждебным.

Было ужасно холодно, мелкий противный осенний дождь брызгал с небес, усиливаясь вместе с ветром. Заключенные и встречающие их охранники с несколькими сторожевыми овчарками поеживались от осеннего ненастья. Овчарки периодически раздражались остервенелым лаем, скаля на заключенных белые клыки.

– Шевелись, пес паршивый!

Хриплый голос донесся до Полунина одновременно с сильным ударом дубинкой по спине.

– Раскорячился здесь, сученыш...

Пошатнувшись от удара, Владимир резко развернулся и с ненавистью поглядел на своего обидчика.

Перед ним стоял здоровенный детина лет сорока, одетый в форму охранника, с погонами прапорщика. У здоровяка было мясистое лицо и огромные ручки, в одной из которых он держал резиновую дубинку.

– Че вылупился, пес?! – прорычал прапорщик. – Живо строиться!

Он снова замахнулся дубинкой. Владимир интуитивно выставил руки для защиты от удара, но его не последовало. Прапорщика окликнул старший офицер из охраны.

– Шевчук, кончай там разборки учинять. Быстро всех построить, и гоните их в баню, а затем в медсанчасть, а то у них после пересылочного пункта вшей полно, как в зверинце.

Полунин снова бросил взгляд на прапорщика Шевчука и медленно пошел строиться. Шевчук же еще некоторое время смотрел ему вслед, и на лице его играла злобная и одновременно презрительная улыбка.

После душа, пройдя медицинский осмотр, Владимир, переодевшись уже в чистую лагерную одежду, вошел в барак, в который его определили.

Дневальный, на зонах их называют шнырями, высокий сухощавый мужчина, указал Владимиру пальцем на двухъярусные нары в углу помещения.

– Иди вон туда, парень, будешь вместе с Изей на одних шконках обитать.

Владимир подошел к нарам.

На нижней кровати сидел пожилой, абсолютно лысый мужчина. На вид ему было лет пятьдесят.

Наверное, до того, как попасть на зону, это был крупный толстяк, но время, проведенное за решеткой, сделало свое дело. Мужчина поседел и обрюзг, его некогда толстые щеки покрылись сеткой глубоких морщин и обвисли, второй подбородок тоже дрябло повис и напоминал сдутый шар. Лицо и череп были покрыты коричневыми пигментными пятнами, такие же пятна были и на руках, довольно крупных и сильных, несмотря на его возраст.

Мужчина сидел, ссутулившись, во всем его облике чувствовалась какая-то многолетняя усталость, но при этом его большие карие глаза смотрели живо.

– Здравствуйте, молодой человек, – чуть картавя, произнес Изя. – Моя фамилия Либерзон... Либерзон Игорь Зямович. Местные обитатели сокращенно называют меня Изя. Если вы не антисемит, то мы с вами поладим.

– Владимир, – представился Полунин и пожал руку Либерзону.

– Кстати, мы с вами земляки, ведь я тоже из Тарасова.

– Откуда вы знаете, что я из Тарасова? – удивленно спросил Владимир.

– Молодой человек, – расплылся в улыбке Либерзон, – это же тюрьма, а в тюрьме все узнается очень быстро. Так по какой статье вас посадили и на сколько?

Полунин назвал статью и срок.

– Ба, юноша, да мы с вами коллеги, – почти весело произнес Либерзон. – И меня и вас посадили за одно и то же, за хищение того, чего нету, то есть государственной собственности.

Изя замолчал и, покачав головой, слегка поцокал языком:

– Пять лет – это большой срок. Наверное, у вас было большое дело.

– Да, – задумчиво проговорил Полунин, засовывая сигарету в рот. – Дело было большое, только я в нем был человек маленький.

Проницательные глазки Либерзона впились в угрюмое лицо Владимира.

– А-а-а, понимаю, – протянул он. – Вы, как и я, наверное, получили на всю катушку не столько за свои, сколько за чужие подвиги.

Он всплеснул руками.

– Удивительно! И здесь наши с вами судьбы схожи, ведь я тоже сижу не за себя. Понимаете, у меня есть сын: умный и талантливый мальчик, всегда хорошо учился. Я передал ему по наследству пост директора в небольшом галантерейном магазинчике. Мне хотелось, чтобы мальчик продолжил мое дело. Я уже стар, мне пора позаботиться о своем здоровье. Я надеялся остаток жизни ездить по санаториям и домам отдыха, поправляя свое здоровье, числясь при этом бухгалтером в своем магазинчике.

Либерзон тяжело вздохнул.

– Но, увы, дела у мальчика что-то не заладились, хотя... – Изя встрепенулся и с горячностью продолжил: – Хотя поначалу шло все очень, очень хорошо. Виталик, так зовут моего сына, упорно трудился, и магазинчик был не на худшем счету в нашем горторге. Если вы бывали на улице Усиевича, то должны знать магазин «Светлана». У меня был самый большой в городе выбор пуговиц.

Полунин устало покачал головой:

– Нет, не довелось.

– Пришла комиссия из облторга. Мальчик оказался не готов к этому. Я был в санатории. В общем, когда я приехал, было уже поздно что-либо предпринимать... Хотя я, конечно, позвонил Пайкину.

Изя снова вопросительно посмотрел на Владимира:

– Вы знаете Пайкина?

Полунин отрицательно покачал головой, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Странно, – кустистые брови Либерзона взметнулись вверх. – Кто в нашем городе не знает Пайкина?.. Впрочем, и он тоже не помог. Мальчику грозила тюрьма... Но я не мог допустить, чтобы он сел, у Виталика семья, маленький ребенок. В конце концов, его карьера еще впереди, а мои лучшие дни уже давно миновали. Поэтому я взял на себя все... Пайкин, кстати, поспособствовал этому. Мальчик продолжил работу в магазине, но уже в качестве товароведа под руководством какой-то вульгарной бабищи, жены большого городского начальника.

Либерзон снова тяжело вздохнул и с грустью добавил:

– Ну а я... я, как видите, поправляю здоровье здесь, в условиях, прямо вам скажу, не слишком соответствующих этой задаче. Вы можете себе представить, каково мне с моей фамилией Либерзон сидеть в заточении?

Изя снова бросил взгляд своих шустреньких глазок на Полунина.

– У вас, юноша, насколько я могу понимать, та же проблема, что и у меня. Видимо, те, за кого вы сидите, тоже были близки вам.

Полунин потушил окурок в пустой консервной банке, служившей пепельницей, и сказал:

– Да... были близки.

Он бросил в прикроватную тумбочку сумку с личными вещами, застелил кровать и собирался уже залезть на нары. Но тут Либерзон, молча наблюдавший за ним все это время, вдруг снова обратился к нему:

– Подождите, Володя, я хочу вам еще сказать то, что, может быть, никому не стал бы говорить здесь. Меня, знаете, здесь не все жалуют. Я ведь работаю в конторе и занимаюсь учетом, а не валю деревья, как почти все прочие. Так как местное начальство сочло лучшим эксплуатировать мои мозги, а не руки...

Полунин остановился и, бросив удивленный взгляд на Либерзона, сел на нижнюю полку.

– У вас, юноша, типичная болезнь всех тех, кто поступил сюда впервые и при этом никогда в жизни не думал о том, что такое может случиться... Хотя это странно. Живя в этой стране, любой может оказаться за решеткой. Так вот все эти люди думают одно и то же. Что жизнь закончена и все, что их ждет здесь, это унылая серость и жалкое влачение бытия. Это, конечно, так... но только отчасти. Ошибка здесь в главном – жизнь на этом не закончилась, она продолжается.

Полунин, пораженный, слушал речь старика. Ничего подобного он не ожидал здесь услышать.

– Она никогда не заканчивается там, где есть люди. Пусть это другие люди, не те, с которыми вам приходилось общаться до сих пор. Но они есть, и вам придется налаживать с ними отношения, а вместе с этим наладится и сама жизнь. Среди здешних людей есть подлецы и порядочные, полезные и совершенно никчемные. Да, к сожалению, эта жизнь хуже той, что была, поскольку плохого здесь больше, чем хорошего. Но во всем есть польза, сумейте только ее извлечь. Поверьте мне, выжить можно везде, даже и здесь, главное, чтобы было желание.

Полунин молчал еще несколько секунд после того, как Либерзон закончил говорить.

– Спасибо за напутствие, – произнес он. – Я обдумаю все, что вы мне сказали.

В бараке было очень холодно, поэтому Владимир, не раздеваясь, залез на верхний ярус нар и, накрывшись одеялом, мгновенно уснул. Владимир спал эту ночь крепко и без кошмарных сновидений, преследовавших его в последние месяцы.

А утром начались лагерные будни. Заключенных подняли в шесть утра, а уже в восемь стали строить для отправки на биржу. Так в обиходе называли рабочий объект, на котором трудились заключенные. Это был довольно крупный лесоперерабатывающий комбинат.

Ежась на утреннем морозце, зэки, балагурия и матерясь, докуривая бычки, выстраивались на переключку. Стоя рядом с Полуниным, Либерзон толкнул его в бок и произнес:

– Можно вернуться к нашему вчерашнему разговору.

– О чем вы? – недоуменно спросил Полунин, оторвавшись от своих мыслей.

– Я о разных людях, которые нас окружают. Вон видите того здоровенного дубака с погонами старшего прапорщика – это Шевчук. Братва его только гнидой и зовет. Редкая, доложу я вам, паскуда, садист по натуре. С этим зверем лучше лишний раз не связываться. После его обработки многие ребята попадали в медсанчасть, говорят, были случаи и со смертельным исходом. На зоне у него есть несколько, так сказать, «любимчиков», кого он особо достает. Этим терпилам в зоне живется туго, особенно в его дежурство. В общем, с ним лучше не связываться.

Полунин усмехнулся.

– Поздно уже. Кажется, я попал в его черный список.

– Напрасно, – ответил Либерзон.

И тут же показал взглядом на другого человека.

– А вот теперь по вопросу о полезных людях. Вон, взгляните, стоит мужик, невысокий, крепкий такой.

Полунин увидел мужчину почти квадратного телосложения. На вид ему было лет сорок с небольшим. У него было широкое с резкими чертами лицо, крепкий волевой подбородок, плотно сжатые тонкие губы. Взгляд его светло-голубых глаз был слегка насмешливым. Улыбка исчезала из его глаз лишь тогда, когда он внимательно всматривался в человека.

Вот и сейчас он впился своим цепким взором в Полунина. Разглядев новичка, мужчина отвернулся, что-то сказав при этом одному из рядом стоящих с ним амбалов. Тот быстро взглянул на Полунина и кивнул в ответ.

– Это Леня Волошин. Братва его зовет Леня Бык. Впрочем, кличек у него много, одна из них – Шахматист, за его пристрастие к этой игре. Я играл с ним несколько раз, он сильный игрок. Так вот, Леня Бык вор в законе, его авторитет на зоне велик. Кстати, он тоже наш земляк, родом из Тарасова. Больше здесь людей из нашего города нету.

Полунин слушал Либерзона с безразличием. Он все еще считал жизнь, протекающую вокруг него, чужеродной и совершенно не хотел включаться в нее.

Но сама жизнь заставила его сделать это со всей суровостью, беспощадностью, на которую она только бывает способна. Через два дня, вечером, в барак зашел прапорщик Шевчук, который в этот вечер исполнял функции дежурного помощника начальника колонии (ДПНК).

Прошвырнувшись по бараку в сопровождении трех младших прапорщиков и сделав незначительные замечания нескольким заключенным, он остановился у нар, на которых обитали Полунин и Либерзон.

– А-а-а, гаденыш, – протянул Шевчук, увидев Полунина.

Он осмотрел его с ног до головы и добавил:

– Почему курим в бараке?

После чего ударом дубинки вышиб сигарету из рук Полунина, больно ударив его по пальцам.

– Не положено, – добавил он и затушил окурок сигареты подошвой сапога.

– Почему не положено? – спросил примирительно Либерзон, изобразив улыбку на лице. – Все курят, даже начальник колонии Тришкин во время своих обходов закрывает на это глаза. А ведь он человек некурящий, – авторитетно добавил Либерзон.

– Заткнись, жид, – указал на Изю дубинкой Шевчук. – Я сказал тебе, не положено, значит, не положено. Чья эта тумбочка?

– Моя, – ответил Полунин.

– Что там у тебя?

– Ничего особенного, – пожал плечами Полунин. – Личные вещи.

– Сейчас проверим, – сказал Шевчук и шагнул к тумбочке.

Через несколько секунд скудное содержимое тумбочки – пара пачек сигарет, мыло, авто-ручка и сменное белье валялись на полу.

– Ты что делаешь? – вскрикнул Полунин, вскочив.

Глаза его налились кровью, челюсти сжались так плотно, что на щеках появились желваки.

Шевчук наступил ногой на пачку сигарет на полу и раздавил ее в лепешку.

– Произвожу осмотр вещей, – спокойно ответил он, с насмешкой взглянув на Полунина.

– Чего здесь осматривать? – возмущенно ответил Владимир. – Я только на зону прибыл, у меня все вещи в карман умещаются.

Оба смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью. Шевчук вдруг поддел дубинкой подбородок Владимира, слегка потянув его на себя, и тихо произнес:

– Что, пес? Взбрыкнуть хочешь... Ну давай, давай, попробуй. Посмотрим, что из этого получится.

Владимир понял, что Шевчук только и ждет этого момента, и, собрав последние силы и терпение, сдержался, промолчав в ответ.

– Вот так, – удовлетворенно произнес Шевчук. – Тебе, как вновь поступившему, надо сразу напомнить, кто ты есть здесь, на зоне. Кусок дерьма собачьего! Будешь ерепениться, я тебя сапогом по земле размажу.

Он замолчал, наблюдая за реакцией Полунина. Тот ничего не ответил, продолжая со злостью смотреть на прапорщика.

– Но если ты этого не понял, то тебе же хуже, – заключил Шевчук.

Он развернулся и не спеша пошел к выходу в сопровождении троих своих коллег.

Полунин еще некоторое время молча стоял без движения, затем, опустившись на корточки, стал собирать свои вещи, разбросанные в проходе.

Сосед по койке, Паша Курдюмов, тот самый, что был дневальным в день прибытия Полунина на зону, подошел к нему и, усмехаясь, произнес:

– Да, Вова, Шевчук тебя отметил, ты теперь у него в черном списке «воспитуемых». А воспитатель он еще тот, все жилы вытащит, пока ты сам перед ним не нагнешься.

Либерзон с грустью добавил:

– Терпите, Володя, – это единственное, что вам остается. Когда-нибудь ему это надоест и он отстанет, переключившись на других... В противном же случае мне вас искренне жаль.

* * *

Слова Либерзона скоро подтвердились. Шевчук преследовал Полунина с прилежностью садиста. Каждое свое дежурство он приходил с проверкой в барак, где жил Полунин, сразу же направлялся прямо к его нарам и по полной программе производил там шмон.

Владимир не выдержал и сорвался уже на третью проверку, когда Шевчук рассыпал по полу печенье, присланное матерью в посылке.

Полунин сорвался и заорал Шевчуку прямо в лицо:

– Сука ты, понял, гнида поганая!

Буквально через час его уже отвели в карцер. Он получил десять суток за оскорбление должностного лица.

Просидев в бетонном неотопливаемом полуподвальном помещении десять суток, Владимир вернулся в свой барак простуженный, с высокой температурой.

Однако Шевчук, дежурство которого было на следующий день, не дал ему обратиться к врачу и погнал на биржу вместе со всеми заключенными. При этом он проследил, чтобы у Владимира не было передышек, которые позволили бы ему перевести дух и хоть как-то прийти в себя.

Работавшие вместе с Володей эки, видя происходящее, как могли, помогали ему. Владимир еле добрался до своей койки, теряя сознание от высокой температуры.

Либерзон, сварив чифирь в кружке, заставил Владимира сделать несколько глотков.

– Пейте, Володя, пейте. Гадость, конечно, ужасная, но все же это самое доступное и эффективное для эков лекарство.

Он помедлил и добавил еще:

– Набирайтесь, Вова, терпения. Отсюда можно и нужно выбраться живым.

Полунин не слышал его. Отпив из кружки чифирия, он вернул его Изе и, накрывшись одеялом, уснул мертвым сном.

Либерзон слабо верил в то, что у Полунина хватит сил выдержать такие испытания, как «пресс» Шевчука. Он думал, что Владимир рано или поздно сорвется по-настоящему и тогда это может закончиться для него очень плохо.

Все, чего так боялся Либерзон, произошло через десять дней, причем косвенно виноватым в случившемся событии оказался сам Изя.

Был обычный будничным вечер, когда эки уже вернулись с работы на бирже. Полунин, только что выздоровевший и ставший себя нормально чувствовать, залег на нарах со стареньким журнальчиком «Огонек», который он позаимствовал у Паши Курдюмова.

Изя вернулся с работы чуть позже. Он работал в конторе с документами, занимаясь учетом, нормированием, отчетностью и всяческими прочими бумажками, без которых, как известно, социализм просто невозможен.

Либерзон не был бригадиром, но он был умный человек и опытный работник, хорошо разбирающийся в бухгалтерии. В его функции входило в конце дня оформить табеля учета рабочего времени и сдать их в администрацию. Поэтому он задерживался на работе чуть дольше других заключенных. На сей раз Изя вернулся угрюмым и немногословным. Владимир знал, что на зоне появилось несколько отказников – заключенных, отказывающихся от работы и выдвигающих при этом еще и требования к администрации. Все они были сидельцами со стажем, авторитетными в своей среде.

Кроме этого, на зоне были люди, не работавшие принципиально – воры в законе и их ближайшее окружение. За таких норму делали простые мужики. Необходимо было со всем этим разбираться ежедневно, проставляя показатели работы в отчетных документах.

На этот раз Либерзон задержался особенно долго, но рабочий день его на этом не закончился.

Не успел он усесться на свою койку и поставить в самоваре, то есть в большой алюминиевой кружке, вариться чифирь, как перед его очами предстал высокий крупный мужик с крючковатым носом и маленькими злобными глазками.

Либерзон как ни в чем не бывало спросил его вежливым голосом:

– Вы имеете ко мне какое-то дело, Бармалей?

– Угу... имею, Изя, – прохрипел Бармалей. – У меня к тебе такое дело, после которого твоя жидовская рожа превратится в кусок поротой задницы.

– Выражайтесь яснее, пожалуйста. Что вы хотите от меня? – нервно заерзав на койке, произнес Либерзон.

– Что я хочу? – прогремел Бармалей. – Я хочу узнать, пархатая ты обезьяна, какого хера ты мне сегодня в табеле прогул поставил? Ты что о себе возомнил? У тебя что, бычки в твоих зенках давно не тушили?

Бармалей резко нагнулся и схватил испуганного Изю за грудки.

– Секундочку, Бармалей, давайте разберемся... Что вы так нервничаете, – зачистил Либерзон. – Вы же сами говорили, что пошли в отказ в честь праздника революции. Вы еще говорили, что не будете работать на тяжелых работах, пока вам не увеличат дозу мясного в пищу! Вы же не будете это отрицать, вы же не...

– Когда, когда я тебе это говорил, старый урод?! – гаркнул Либерзону в лицо Бармалей. – Ты мне сегодня влепил ноль без моего согласия!

Полунин, обычно не вмешивающийся ни во что, на сей раз, оторвавшись от чтения журнала, посмотрел вниз на Бармалея.

– Чего ты к старику пристал? – произнес он, обращаясь к верзиле. – Он тебе в отцы годится, а ты его как грушу трясешь.

Бармалей ослабил хватку и, распрямившись, посмотрел на лежащего на уровне его глаз Полунина.

– А ты не лезь в наши дела, – зло прорычал Бармалей, – не то я и тебя так тряхану, что ты инвалидом на всю жизнь останешься.

В этот момент заговорил Либерзон:

– Ну же вы сами, сами говорили, что собираетесь в отказ идти. Вспомните же вы это, наконец, и не трепите мне мои больные нервы.

Бармалей снова переключил свое внимание на Изю и заорал:

– Я... я говорил!!

– Да, говорили! Не мне, но в моем присутствии. Люди слышали, они подтвердят... Но что вы делаете, успокойтесь, вы же порвете мне одежду... Ой, бя!

Бармалей в порыве злости так рванул на себя Изю, что тот ударился своей лысой черепашкой о край кровати верхнего яруса.

– Да я тебя щас, старая сука...

Владимир Полунин, угрюмо наблюдавший за этой сварой, вдруг почувствовал ненависть к этому ублюдку, тормозившему старика. Он откинул в сторону журнал и костяшками пальцев правой руки постучал по бритому черепу Бармалея.

– Слушай, ты, дятел, тебе же ясно сказали, чтобы ты оставил его в покое. Ты, похоже, только со старичьем тягаться можешь. А с молодыми ссышь связываться.

Опешивший Бармалей отпустил Изю и удивленными глазками уставился на Полунина.

– Ах ты, морда наглая, – вымолвил он, – щас ты у меня свой член жрать будешь. Ну-ка иди сюда!

Бармалей схватил Полунина за полы арестантской робы, намереваясь стащить его вниз, на пол.

Но Владимир оказался проворнее его, нанеся резкие удары ребрами ладоней сверху вниз прямо по развесистым ушам Бармалея.

Тот дико взвыл от боли и, отпустив Владимира, схватился руками за уши. Полунин, воспользовавшись этим, быстро спрыгнул на пол с противоположного от Бармалея края нар.

Бармалей, превозмогая боль в ушах, также не терял времени, бросившись обегать нары, чтобы поскорее добраться до Полунина.

Вся ненависть и злость, которые дремучим туманом отложились в подсознании Полунина за все эти месяцы горя и страданий, вырвались наружу в виде вспышки ярости, направленной против этого наглого и тупого эка.

Как только он достиг прохода между нарами, в котором стоял Полунин, Владимир, схватившись за край верхнего яруса нар, резким движением подбросил свое тело вверх и ударил приближавшегося соперника двумя ногами в грудь.

Удар получился такой силы, что рослый Бармалей отлетел на несколько метров к противоположной стене. Упав на спину, он со всего маху ударился о стену затылком.

– Ну теперь трындец тебе пришел, гаденыш траханый, – заявил Бармалей, с трудом вставая с пола и направляясь к Полунину.

Собравшиеся вокруг них ээки оживленно подбадривали дерущихся.

– Дави его, Бармалей...

– Навали щенку, чтобы не гавкал на старших...

– Ну-ка, Вован, начисть жопу этому беспредельщику...

Бармалей сплюнул на пол и ринулся на Владимира.

– Щас я тебе...

Он не договорил, так как Полунин в прыжке ударил его ногой в солнечное сплетение. Бармалей издал звук, похожий на рвотный, схватился руками за живот и наклонился, выпучив на Полунина широко раскрытые глаза. Но Владимир не остановился, ненависть кипела в нем, и он продолжил атаку, правым боковым ударом буквально всадив кулак в челюсть врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.